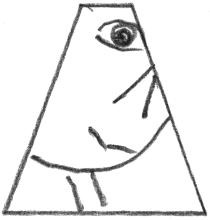

Анастасия Афанасьева

ПОЛЫЙ ШАР

Москва

2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А94

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление серии Валерий Земских

Афанасьева, Анастасия
А94 Полый шар. — М. : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2012. — 148 с. — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»).

Перед нами воздушная и светлая книга. Все вещи, вошедшие в ее пространство, проницаются светом, сами светятся изнутри, выступают в белизне.

Сердцевина просветления — образ шара. Он светящийся, горящий, полый, подвешенный в воздухе, с ним един автор и все, кого он любит. Он — прозрачный, звенящий, мерцающий, он вертится. В самом герое — шар внутреннего света. Он может обернуться солнцем, сияющим детским лицом, кристаллом в груди.

Не так часто бывает, когда затрагивающая важнейшие вопросы человеческого бытия поэзия одновременно оказывается столь же легкой и ненавязчивой, как современная джазовая импровизация. Должно быть, и стихи, как люди и камни, становятся легче «за счет отсечения лишнего — до абсолютной правды».

«Полый шар» — четвертая книга стихотворений Анастасии Афанасьевой.

ISBN 978-5-91627-092-1

© А. Афанасьева, 2012
© А. Горбунова, предисловие, 2012
© Русский Гулливер, 2012
© Центр современной литературы, 2012

Анастасия Афанасьева родилась в 1982 г. Окончила Харьковский медицинский университет, врач-психиатр. Работает по специальности в харьковской психиатрической больнице. Стихи, проза, статьи о современной поэзии публиковались в журналах и антологиях: «Воздух», «Новый мир», «Вавилон», «Урал», «ШО», «Textonly», «©оюз писателей», «РЕЦ» и др.

Автор стихотворных и прозаических сборников «Бедные белые люди» (М. : АРГО-РИСК, 2005), «Голоса говорят» (М. : Европа, 2007), «Белые стены» (М. : НЛО, 2010) , «Солдат белый, солдат чёрный» (Харьков : Фолио, 2010).

Выступает также как переводчик поэзии с украинского и английского языков. Изданы книги Олега Коцарева (перевод с украинского совместно с Дмитрием Кузьминым) «Стечение обстоятельств под Яготиным» (М. : АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2009), Ильи Каминского (перевод с английского) «Музыка народов ветра» (Нью-Йорк : Айлурос, 2012).

Лауреат премии журнала «РЕЦ» (2005), Русской премии (2006), премии «ЛитератуРРентген» (2007), шорт-лист премии «Дебют» (2003) и др.

Стихи переведены на английский, итальянский, голландский, украинский и белорусский языки.

молчать, петь, летать

Перед нами воздушная и светлая книга. Все вещи, вошедшие в ее пространство, проницаются светом, сами светятся изнутри, выступают в белизне.

Сердцевина просветления — образ шара. Он светящийся, горящий, полый, подвешенный в воздухе, с ним един автор и все, кого он любит. Он — прозрачный, звенящий, мерцающий, он вертится. В самом герое — шар внутреннего света. Он может обернуться солнцем, сияющим детским лицом, кристаллом в груди.

Новая книга Афанасьевой — это книга полетов. Летают люди, из глаз вылетают ракеты зрения, взлетают буквы, чувства «летят свободным и световым ядром», сам автор готов в любой момент или провалиться или полететь по воздуху, летит мальчик, летят птицы, летит стрекоза и выдуманные небесные вертолеты, женщина спит как летает, летают облака, самолеты, мелкие звери, крупные звери и летающие дураки. Автор — лирический герой расставляет руки и летит, входит в чужой голос и взлетает на крышу.

Я не берусь оценивать вошедшие в книгу переводы с украинского, замечу лишь, что на русском языке эти тексты выглядят естественно и выполняют важную задачу по осуществлению взаимодействия украиноязычной и русскоязычной литератур. Среди переведенных Анастасией Афанасьевой авторов есть поэты как сороковых годов рождения, так и совсем молодые (самый младший, Тарас Федирко, родившийся в 1990 году).

Сегодняшние стихи Афанасьевой все более и более отличаются от страстных, экспрессивных, имеющих достаточно четкий лирический сюжет ее ранних текстов. В них уже не встретить эту бурную, юношескую, перехлестывающую через край эмоциональность, но зато в них появилась какая-то новая просветленная зрелость, смыкающаяся с непосредственным и удивленным взглядом

ребенка, и равновесие, превращающее стихотворение в живой, дышащий, гармонично устроенный организм. И, кажется, что перед нами настолько уже самодостаточный поэт, что как-то неловко употреблять по отношению к нему такой эпитет как «представитель поколения «Дебют». Стихи Афанасьевой ускользают из сетки готовых определений, меняясь с каждой новой книгой, и в этих изменениях все более утверждаясь в том собственном, нащупанном Афанасьевой языке, который она развивает. Даже сюжетная линия этой поэзии, характерная для предыдущих книг автора, рассказ «внутренних историй», не обязательно происходящих с самой героиней, но часто зафиксированных от лица «внутреннего наблюдателя», в последней книге практически исчезает, истаивает, проявляется только вкраплениями, как будто Афанасьева со своими стихами добралась туда, куда лестница сюжета уже не дотягивается. И, продолжая апофатическую характеристику поэзии Афанасьевой: уже не просто «представитель поколения «Дебют», не лироэпические сюжетные тексты.

Может быть, продолжатель традиции европейского модернизма? Но и это не совсем корректно. С одной стороны, да, несомненно, но с другой стороны — в поэзии Афанасьевой, как впрочем, и некоторых других современных авторов, модернистская «метафизическая» лирика радикально трансформируется. Я имею в виду то, что в такой поэзии при всей ее метафизичности почти нет культурных аллюзий, архетипов, мифологем, идеологем, как отмечала уже о стихах Афанасьевой Ольга Балла: «Здесь — одни экзистенциалы: жизнь, любовь, смерть. «...» Мир Афанасьевой — мир почти до Адама, — нет, вернее, уже после того, как Адамова эпоха закончилась, исчерпала свой — мнившийся неисчерпаемым — запас имен». И, если можно говорить о каких-то предпочтениях в поэзии и даже собственных стратегиях письма, то мне сегодня близок именно такой тип поэтического высказывания. Ничего искусственного, никаких рукотворных или мысленных идолов в этом новом мире не осталось, люди остались наедине с миром без всяких посредников, и в нем остается только жить и заниматься самыми простыми вещами, например, любить друг друга, петь, летать. Ничего лишнего, «только голый мир, огненный логос». И еще — воздух, земля, вода, огонь, свет, человек, яблоко, любовь, нежность, страх, отчаяние, молчание, белизна, песня.

Если продолжать о том, откуда растут корни у поэзии Афанасьевой, надо называть многих: российскую поэзию 90-х гг. — поэзию

«Вавилона», и, конечно, особенно любимых Афанасьевой Ольгу Седакову и Пауля Целана. По признанию самой Афанасьевой, большое значение для ее поэзии имеет также взаимодействие с музыкой, джазовой и академической. Стихотворения Афанасьевой действительно напоминают современный джаз, и ей в высшей мере свойствен интерес современной музыки к тишине, к совмещению звучания и пауз, когда звуки словно бы прорастают сквозь тишину (ср. то, как Манфред Айхер, руководитель известного европейского музыкального лейбла ECM (editions of contemporary music), определил эстетическую программу своей деятельности: «Лучшие звуки после тишины»). Песнь и молчание постоянно появляются в стихах Афанасьевой. Этот «разговор молчанием» подчеркивает и внешнее тяготение к минимализму в стихах Анастасии, отсечение всего лишнего, минимум метафор и эпитетов, разбивка стиха паузами. Подобные художественные приемы напоминают нам одного из значимых для Афанасьевой авторов: Геннадия Айги, для которого мотивы пения и молчания и мотив белизны были одними из ключевых. Одно из моих любимых у Айги:

боярышник – при пении молчащий

как бог молчащий – за звучащим Словом

(Г. Айги)

В «Поэзии-как молчании» Айги писал: «Молчание — как «Место Бога» (место наивысшей Творческой Силы)». Соответствующий же цвет — белизна.

Афанасьева пишет:

Красное дерево в поле
Желтые городские клены
Круглые коричневые каштаны
Молчанием говорят со мной
И я отвечаю – вместе с хором,
Который все поет:

«...»

Поем в молчании
Громко молчим

Поэзия для Афанасьевой — это давание слова самим вещам, и здесь мы, конечно, вспоминаем Хайдеггера, писавшего о «превра-

щении речи в почти потаенно журчащий песенный отголосок несказанного сказа».

В близком к этому смысле Афанасьева пишет:

неявная речь
из глубины яви,

об одном,
единственно важном,
том самом

Или

По ту сторону яви
Тоже существует песня.

Иногда эти стихи кажутся парадоксально-неожиданными, иногда — вдруг — оборачиваются чем-то с детства знакомым. Вот колдовское, народное, сказочное заборматывание:

Что движет все,
что движется,

Что слышит все,
что слышится,

Что видит все,
что видится.

Свободный стих у Афанасьевой соседствует с ритмизованным и рифмованным, они легко переходят друг в друга. Так, например, иногда изнутри свободного стиха вдруг пробивается вполне четкий ритм, и философское стихотворение легко переходит в детскую песенку или считалку.

Новые стихи Афанасьевой — это своего рода медитации. Иногда — в прямом смысле слова: в зеленом видится ящерка, созерцание объекта приводит к осознанию тождества с объектом:

Я смотрю на клен и становлюсь кленом;
Я смотрю на себя и становлюсь собой

В привычном и повседневном видятся всевозможные чудеса. Анастасия Афанасьева не ищет каких-то специальных поэтических тем, материал для стихотворений ей в изобилии поставляет мир, в котором она живет, и собственные органы чувств. Любая мелочь

может стать поводом для поэзии, потому что все мелочи, если правильно на них посмотреть, удивительны. Кто-то идет, указывает на что-то рукой, и из этого рождается стихотворение. Или — открытие двери — но не просто открытие, а «наповал». Афанасьева смотрит на мир с удивлением: в этом удивлении перед нами предстают странные двуногие существа — люди, равно как и насекомые, и явления природы. Об этом чуде в повседневном, об удивлении подлинно простым вещам пишет Афанасьева:

Как тут не распластаться, как не оглохнуть,
как не упасть без воли к сопротивлению
перед тем, что так повседневно?

Бывает ли что-нибудь удивительнее
просыпающегося человека, страннее
падающего снега,

...

Есть ли что-нибудь, достойное вздоха или удивления,
кроме подлинно простой вещи?

Вещи увидены первозданно, и потому становится странным язык, в котором они как-то называются, и кто, спрашивается, их так называет?

Как пролетают толстые белые хлопья

Кто называет
Их облаками?

Весь этот странный мир окрашен чувствами доверия и открытости, беззащитности и готовности предстоять. В этом мире бытие — значит свобода, свобода — значит поэзия; это воздух, мир наполняющий, проникающий между словами. Зрение в этом мире — это способ обнимать вещи, слух — способ обнимать звуки. В этих стихах часто ставятся разнообразные вопросы:

Отчего мой вопрос – то же, что и ответ?
Господи, сколько мне лет?
Почему я – и зрелость, и детство?

Почему моя радость больше меня?
Почему она произошла от огня?

Вопросы эти детские, наивные, и — философские. В них есть что-то от древней досократической мудрости — и первозданность впервые открываемого мира. Наивность и мудрость здесь сходятся, как детство и зрелость. Самые абстрактные вещи в стихах Афанасьевой в том самом детском взгляде становятся цветными, плотными, осязаемыми. Внутри вещей живет правда, жаждущая быть названной. Поэт предстоит этой правде, которую являет поле, подсолнух, шмель. Очень много солнца, много воздуха, много тишины, много странности.

Не так часто бывает, когда затрагивающая важнейшие вопросы человеческого бытия поэзия одновременно оказывается столь же легкой и ненавязчивой, как современная джазовая импровизация. Должно быть, и стихи, как люди и камни, становятся легче «за счет отсечения лишнего — до абсолютной правды».

Алла Горбунова

КОМЕДИЯ ЛУЧА

МОЛЧАНИЕ

1.

В самом что ни на есть зеленом
Видится мне ящерка
Бег ее — немыслимый, кочевой

Я смотрю на клен и становлюсь кленом;
Я смотрю на себя и становлюсь собой

Какие странные проходят существа мимо!
С круглыми головами, на двух ногах
Эй, говорю, люди, шестикрылые серафимы
Отпускаются и летят, как мысль: на словах

Ходят двуногие и поют о том, что ничего своего,
Только голый мир, огненный логос
И песня взмывает тем выше, чем хоровой
Смиреннее звучит голос

2.

Что это у него?
То ли ключ, то ли ключ
Он оставляет следы позади себя
Прозрачные
Невесомые
Тут же исчезающие

Как исчезают эти следы?
Так, будто в воздухе мерцают частицы,
Которые видно,
Если смотреть вне фокуса

Так, будто частицы эти
Ожили и увеличились
Вспорхнули
И вспыхнули

Исчезающе

3.

Идут они вдвоем
Издалека – будто шляпа одна на двоих
И походка едина
Легка

Вот как идут они
Неотличимые
Неразделимые
Глубоко сердечные
Нежные

И куда так указывает его рука,
На что так указывает его рука,
Если впереди – ничего, кроме песка
И непреодолимая река?

И как она согласно кивает ему,
Какому жесту она так согласно кивает?

Как они понимают,
Откуда знают?

Невозможно единые
В своем смирении

Всевозможно живые
В своем стремлении

Как он указывает,
Как она видит?

Тихие-тихие
Как дети или старики

Смотри, смотри! (Взмывает рука)
Порхает воздух над берегом реки

4.

Открой! Нужно дверь распахнуть,
Будто окно: сильно и – сильно

Чтобы воздух ворвался,
Но не один:
Со всеми запахами улицы,
Квартир, свалок, текущей осени,
Предстоящей водной зимы,
Будущей весны,
Зенитного лета

Распахни мне дверь так,
Как стреляют из дуэльного пистолета:

Благородно,
С чувством,
С расстановкой,
Наповал

5.

Я хочу того, чего не могу хотеть
Я вижу то, чего не могу видеть
Я слышу то, чего не могу слышать
Я трогаю то, чего не могу трогать

Могу – выдумка, не более
Странная граница, без которой никуда
Не возможно

Так и хочется расчертить:
Палочка, черточка, нолик
За бордюром мама не разрешает гулять,
Во дворе только

А свобода есть
Она там,
Где молчащая основа слова
Вздувается пузырями, холмами, домами, людьми

Она там,
Где черта начинается и сжимается в точку
Она там,
Где доверие раскрывается внутригрудным цветком

Свобода есть человек
А человек — есть

6.

Стараясь ящерицу ухватить за хвост,
Я упал с высоты своего роста
В осеннюю траву. Рот мой землей набит,
Разбита губа

Отчего я так счастлив, Господи,
Будто Майлза Дэвиса звучит труба?

Отчего, валяясь на тихой земле,
Никого и ничего не поняв,
Я ловлю ртом порхающие искорки,
Весь день своим существом обняв?

Отчего у меня из глаз вылетают ракеты зрения,
А в уши встроены пленочки слуха?

Отчего я лежу на земле, будто в воде и воздухе вместе,
Отчего мой вопрос — то же, что и ответ?
Господи, сколько мне лет?
Почему я — и зрелость, и детство?

Почему моя радость больше меня?
Почему она произошла от огня?

Господи, посмотри на меня:
Видишь?

Меня нет,
Ибо есть только то, что больше меня

7.

Ящерка бежит по траве,
По берегу, по горе, по реке,
По воздуху, по облаку и по слову,
По маленькой запятой.

Ящерка становится солнцем —
И светит собой

Ящерка, солнышко,
Я — не такой,
Но все же — такой.

Жаркое, желтое,
Упади в мою голову,
Ибо я — твой.

Я слышу:
Майлз Дэвис размахивает небесной трубой

Разламывается воздух,
Распахивается — и

Свобода!

Красное дерево в поле
Желтые городские клены
Круглые коричневые каштаны
Молчанием говорят со мной

И я отвечаю — вместе с хором,
Который все поет:

«...»

Поем в молчании
Громко молчим

Молчим

ПОЛЫЙ ШАР

Вот полый шар
Он в воздухе подвешен
Его должно качать,
Но не качает
Он должен бы упасть,
Но он подвешен

О, чудо, так возможное сегодня

Вот я сижу на шаре
Будто девочка
Вот прыгаю на шаре
Будто мальчик
И должно оступиться,
Но я прочно

О, чудо, так возможное сегодня

Мы с шаром –
Рихтер, Седакова, Хайдеггер,
мы – Элиот, Целан и Львовский,
Фуко мы, Монк, Колтрейн
И Битлз мы – то Леннон, то Маккартни

Прозрачный шар в пространстве
Слышишь улитка
Звенящий шар в пространстве
Слышишь бабочка

Мерцающий прозрачный
Слышишь мама
Звенящий и смиренный
Видишь Боже

В руке моей флажок он развевается
И нежность – плотная сплошная
И сила – густая смоляная
И тонкая дрожащая – любовь

Дотянись до меня пальцами Рихтера
Я, будто трос, аорту словом протяну

О, чудо, так возможное сегодня,
О, бабочка, улитка, мама, Боже

ПОЛДЕНЬ

Шелестом полнится воздух
И видно над нами
Как пролетают толстые белые хлопья

Кто называет
Их облаками?
Еще не поздно увидеть

Я открываю книгу на случайной странице
Буквы взлетают и машут чертами своими
И пестрым становится воздух

Кто называет
Их просто печатными знаками?
Еще не поздно услышать

Я открываю окно и самое красное дерево
Кивает мне головой и дует в лицо мне
Губы в ответ дуновению раскрываются

Кто называет
Просто каштаном его?
Еще не поздно сказать

А когда придет время
Собирать вещи по крупицам
Разбросанным по всему пространству –

Ни одна из них себя не обнаружит,
Ни одна на зов не ответит,
Ни одна не пошлет попутного ветра

Ибо внутри каждой живет светящийся шар,
Громадная правда,
Жаждущая быть названной,

Не прощающая слепоты
Не прощающая глухоты
Не прощающая немоты

Отвечающая им
Собственным исчезновением

Не поздно еще говорю же
Еще не поздно
В полдень правда прямо стоит как стрелка

Только слышать, и видеть, и говорить

КОМЕДИЯ ЛУЧА

это солнце напролом солнце напролом
Василий Бородин

1.

«Отвори», — стучится Матильда,
полосатая кошка.

За окном льдинки стучат
Друг о друга бьются
Тонкими нотами ксилофона
Высокими струнами пиццикато

Но время идет
Пейзаж разворачивается крылато

Разверчивается из каждой щели
Раскрывается
Распускается

Кто же выдержит это сплошное движение вещей?

«Не вещей, жизни»
Поправляет

Кто поправляет,
Если не человек

На вершине высочайшей многоэтажки
Теменем подпирает время как таковое
Печальный наблюдатель

2.

Разлита вода,
Разлита земля,
Протянут воздух

Цепью стоят повсюду связанные
Причины

Причина Матильда,
Причина клевер,
Подорожник причина,
Каштан, воробей, прохожий, машина, окно

Там, наверху, человек скован печалью
Густое в сосудах его
Легкие свинцовой ватой набиты

Он один знает о времени

Оттого сидит и не шелохнется
Картонная статуя
Сумасшедший

Жует сигарету вместо того чтобы

3.

Чтобы прыгнуть и лететь
В громадном раскрытом бутоне

Напролом,
Напролом,
Напролом!

Или бережно
Нанизываясь на ветки
На птичьи перья
Троллейбусные линии
Кошачьи когти

Оседая на них именами
Словами
Затронутой тревогой
Любовью и страхом
Ужасом если надо

Как далеко простирается печаль взгляда!
И как близко ложится печать чувства

4.

Открыл кошке

Разбудил утробное мурлыканье
Ответил нежностью

Вышел

Сентябрь насыпал на мою голову в наушниках
Желтые солнца

По виолончели Кнушевицкого
Я поднимаюсь в дом

Отвори, — стучу
И дверь приоткрывается

Свет!

Для рождения полосы света
Достаточно узкой щели

Узкий,
Щелевидный,
Солнечный,
Желтый,
Любящий,
Боящийся,
Родной!

Выйди же,
Выйди!

Пусть печаль обрушится на тебя
Огромной лавиной
Пусть воздух, связующий все,
Будет тебе домом

Пусть всякая любовь
Станет тебе зеркалом

Пусть всякий смысл
Отзовется словом

Пусть ты станешь
Свет щелевой

Зажмурившись,
В лучик собравшись:
Вперед!

5.

Печален лишь человек
Естественна радость

Залезь в свой колпак
И сиди там
Накрывшись листом

Слушай квартирного паучка
Скребущуюся кошку
Свистящее время

До тех пор пока не сработает пружина
Скрытая под сердцем
И не вытолкнет тебя вверх
К самому солнцу

В огонь

6.

Смотри
Ибо всякое существо горит —
Так и ты внутри
Горению отвори

Ибо мир — совершенно крылат,
Ибо он — кислород,
Ибо я — настолько же я,
насколько я — весь мой род,

Ибо в самом твоем ядре
Живет всякая точка, пляшущая в костре.

Ибо — я угол и конус,
Ибо я — голос,
Ибо все разворачивается из себя
И возвращается в себя,

И поэтому — ввинчивается вовнутрь дом,
Обрушивается дом.

А любовь и страх, тревога и нежность
Летят свободным и световым ядром.

ДОРОГА ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИНЫ

1.

От терракотовой пластины
До шаровидного конца
Пролегает одна дорога

Он проходит по ней
Головоногий
Вельветовый
Строгий

Идет, как нужно:
Не задавая лишних вопросов,
Ладони раскрыв, будто лотосы
Грудь оголив солнцу

И когда проносится машина мимо,
Едва его не задев,
Он вздрагивает, но знает:
Не собьется, не допев

И если подошва его наступает
На липкую чужую жвачку,
Он смотрит вперед: взгляд
Всегда выше земли скользит

Любая мелочь, вылепленная в пути —
Уточняющий стимул идти

Она скрашивает дорогу
Добавляет неповторимые детали

Позволяет играть с ними,
Как с детскими карандашами

Рисовать на асфальте глупые шалости
Быть не наброском, а целой картиной

От терракотовой пластины –
До шаровидного места,

Где нечто

Склеивает мертвую божью коровку с живой,
Человеческую руку – с травой,
Одну звезду – с другой,
Самого себя с самим собой.

2.

Ладони раскрытые лотосы
Ладони озера бездонные
Водопроводная капля
Сияет цветами в ладонях

Дай же мне в ней отразиться
Всеми своими вопросами
Дай мне спросить о главном
Не зная второстепенного

Дай же тебе отдать
Белые руки лотосов
Озер прозрачные радужки
Ответы больших отражений

Возьми же из рук моих
То единственно данное
Те отголоски музыки
Звучащие в цвете и капле

Ибо нет ничего главнее
Дрожащего водного эха
Цветочного белого пламени
Отданных другому

3.

Что это, белое:
Бумага ли, простыня ли,
Мел ли раскрошенный тонко?

Это кожа грудная сияет ибо иначе не может

Ибо не может иначе,
Иначе –
Темное дерево,
Древесная тьма.

Иначе – существо,
Сжатое до предела,
Ничто.

И кожа грудная сияет ибо иначе не может

Иначе
Непременно случится
Пока же

Кожа грудная сияет ибо иначе не может

4.

Мимо проносятся неожиданные машины
А он идет тихо

Тишайше

Произнести невозможно
Когда воздух
Превращается в мед тишайший

Когда мед
Становится воздух тишайший

Что ему делать,
Кроме идти тишайше

Жонглировать сладкими яблоками
Рисовать яблоки на асфальте

А можно ли изобразить сладость
Мелками запечатлеть
Как воздух сладок
Как он полон

Невидимым

Как это невидимое
Проникает в легкие

Как легкие
Становятся громадными шарами

Как человек отрывается от земли
И взлетает как шар воздушный

Как он смотрит поверх осенних деревьев
И видит крыши

Крыши полные воздухом
Город полный тем же воздухом

Повсеместный воздух
Полный чем-то невидимым

Как летящему человеку докричаться
Если тишайше
Воздушная речь тишайшая

Легчайшая легкость
Повсеместное трепетание

Что же это?
Как?
Как это может быть?

Все такое живое
Что даже я,
Неуклюжий,
Двадцатисемилетний,
Бездетный,
Сделавший так мало полезного,
Но простивший и прощенный —

Даже я
Имею право на существование?

5.

Я согласен с тем, что сейчас октябрь,
С тем, что у моего комнатного цветка
Прожилки на листьях желтые
С тем, что хвост у кошки торчит.

С тем, что проходит год,
Что деревья растут из земли,
Что земля — круглая,
А круг рисовать легко.

С тем, что приходят люди, уходят люди,
С тем, что стареет мама.
С тем, чего у меня нет.

Многое, с чем я согласен, причиняет мне боль
Многое — радует

Как бы то ни было, вот:

Куда ни посмотришь — видишь огромные стены шара,
Натянутые от травы до неба,
От пола до потолка,
От пяток до темени.

Мерцающая его кожа,
Кожа его стен —
Далекая и родная,
Составляющая меня

Так же, как я
Составляю ее.

Я согласен с тем, что моя мелодия
Не может быть другой.
С тем, что другие мелодии
Не могут быть другими.

Обезоруженность
Незащищенность

Открытая грудь
Раскрытые руки

Совершенная тишина

Я ТРОГАЮ КОЖУ МИРА

Как странно: я трогаю кожу мира.
Едва-едва, легким дыханием, кончиком пальца.
Кожура: теплая, проницаемая.
Между и между. Я трогаю кожу мира.

Сквозь нее проходят странные путники,
Тихие птицы. Там, под кожей, — огонь.
Вот кто танцует в огне — кто проникнуть туда посмел!
Сколько цветов кругом, невероятного пульса.

Как странно все вращается в танце.
Как странно быть маленьким человеком.
Как странно трогать кожуру кончиком пальца.
Еще страннее трогать ее словами.

Переходить оттуда туда.
Танцевать словами.

Ты, часть оторванная от целого,
Ты, тоскующее, зовущее,
Ты, пустоту знающее — ту, огромную,
Ты — тоска по той пустоте,
Ты у нее под кожей.

С неба падают цветы, сияющие гвоздики,
Это, должно быть, свадьба в соседнем доме
Или же кто-то умер.
Кто-то чувствует что-то большое:
Радость ли, горе.

Кто-то помнит что-то большое. Он устремлен.
Кто-то бежит вверх по лестнице.
Распахивает окно.
Ах!
За ним ничего нет.

Как странно: я трогаю кожу мира.
Сила, приди к нам, песня большая, приди к нам.
Горы, придите, придите, моря, снизойдите, боги.
Это стучатся люди.

А что еще может быть поводом, если не люди.

ПРОВАЛ

ПРОВАЛ

Сколько лежит их в этом провале!
Не сосчитать.
Поверх друг друга, перекрывая
один другого,
сколько лежит их здесь!

Упав, они легкими стали.

Сколько легчайших лежит в этом провале!
Не рассмотреть.
Как дуновение, летающие над ними,
они легки.

Смотри, мы идем едва выше,
Не касаясь их стопами.

Смотри, мы поем едва дальше,
Чем они способны услышать.

Мы устаем и находим
спасенье внутри деревьев:

они — наши родные твердые.

Мы тоже вросли
в этот провал
всеми корнями
по самое горло.

Мы тоже лежим,
укрытые отчаянием
будто друг другом
по самое темя.

Мы, будто те, лежащие,
тянемся навстречу дуновению,

и выпадаем из своего дупла.

РУКА

В голубом цветении руку свою нахожу.
Такой пропажей была!
Безрукий ходил и смущенный отсутствием я
Ущербностью пятипалой
Одетый как влажным стыдом

Таким вот я был, и таким больше быть не хочу.

В цветении голубом обнаружил он руку свою.
Такой был недостающий!
Без тела лежала я в свете цветочном
В отдельность тюремную
Заключенная будто умерло время

Такой я была, и такой больше быть не хочу.

Отставленный циферблат,
Пропитанная земля,
Черное, будто небо, будто земля,
Развернись:

Зрачки отражают вращение голубое.

Значит, течение прочно,
Как десять пальцев двурукого,
Зрачковые отражения,
Цветение голубое.

Пусть же, нашедшие руки свои,
Идущие по течению,
Целые невозможно,
Бесстыжие и свободные,

Пусть же они,
Пусть же они –
будут.

ПЛОД

За столами вечерними нищие глина сухая их кожа
Места всем не хватает
Нищие трутся боками стучат как пустые кувшины
Плечи их острые пальцы указки стальные

Мне страшно, мой повсеместный, дай встать и уйти.

Бок, другого касаясь, трещит
Трещины в самую полость уходят
Трещины — нити времен
Нити прошедшего нити

Конца им не видно в будущем самом глубоком

Мне кажется будто внутри клубок заплетается
Страшно мне дай же встать и уйти

У меня есть такое внутри
Когда его называют
Оно выходит как плод и дарит и дарит

И дарит и дарит и дарит
Пока называют

А после уходит в возможность в самом молчании дышит
Чтоб выйти и отданным быть

Дай мне отдать этот тихий главный молчащий
Его дарил я и раньше

Ибо вот — недарители: нищая полая глина
Острые плечи пальцы указки стальные
Паутиной набитые лопающиеся от удара
Указательной сталью
Бесследно.

Мой повсеместный, дай же встать и уйти.

Вот — плод мой, в молчании дышит.
Назови же его.

КОМНАТА

***

Вот ключ. Его поворот,
как тело,
знаком.

Звон, щелк.
Скрип.

Вот пол. Его деревянное дно,
как кожа,
родное.

Шелест, стук.
Скрип.

Вот комната. Ее пустоту,
как внутренность,
знаем мы.

Как дышать без воздуха,
как смотреть в темноте и видеть,
как слышать неведомых тварей

знаем мы.

Как искать несуществующее окно,
лбом прислоняться к стене,
углублять морщины –

знаем мы.

***

Я открыл дверь, штукатурка осыпалась на мое лицо.
Я увидел, как пустота заполняется новым воздухом.

Я держал в руках трепещущих пчел,
и ни одна из них не жалила мои ладони.

Они гудели, были мохнато-мягкими,
я принес их издалека.
я впустил их сюда.

Я видел, как они облепили внутренности стен
жужжащим ковром,
как они звали меня за собой:

войди, войди,
мы сделаем тебе тепло,
мы сделаем тебе приятно.

Живи в нас,
живи,
смотри,

как мы полосато-плотно смыкаемся над тобой,
как мы сужаемся, укрываем, сливаемся с тобой.

Лбом прислонившись к мягко-живой стене,
раскрывать им навстречу каждую впадинку тела,
к которой они подходят, как ключ к замку.

Звон, щелк.
Скрип.

Шелест, стук.
Скрип.

Они знают, каково это.

***

Выньте меня отсюда, вы: шум улицы, суета офисов,
блики многоэтажек, геометрия урбанизма.

Я один,
я переполняюсь,
я вытекаю из себя.

Время попадает в меня точной стрелой.

Я пригвожден ею к стене,
я вращаюсь на ней,
как колесо.

Небо целится в меня голубым лучом.

Я вижу луч в темноте,
я дышу, вращаясь,
я слышу.

Луч и стрела, вмещающие все,
они знают.

Мягкие пчелы живые,
они знают.

Мы знаем, каково это.

Звон, щелк.
Скрип.

Шелест, стук.
Скрип.

Слово,
слово, слово.

* * *

Здесь — где не здесь,
в середине мест —
отпой меня, песня отчаяния:
ибо я у тебя в крови.

Страшная роза, рассмейся во мне,
рассыпься красным,
стеблем своим продольно во мне
встань.

Несгибаемый,
шиповатый,
укорененный,
я знал имя твое.

Не называя его,
обращаюсь:
стой прямо, как позвоночник,
укрепи затылок мой.

Роза, отчаяние,
роза, в отчаянии
я пою,
я прямостою.

Выпусти,
я, цветущий вовнутрь,
хочу цвести вовне.

Безымянный,
как бы я ни помнил тебя,
как бы ни забывал,
прошу, будь мне навстречу,
будь внутри и вовне меня,

будь.

Я хочу пробуравить землю свою,
вырасти из беспамятства
в беспамятство.

Я хочу осуществиться,
заново узнав
имя твое.

Я хочу, роза, сказать его,
роза, сказать, роза,

громче, как все, громко,
тише, как все, тихо.

Ах, роза, смеяться — будто родиться.

Смехом смешной рассыпается смех,
будто смыкание в целое,
отчаяние смешивается
с радостью.

* * *

Осиротелое темя, глухой затылок, лицо штриховатое —
так наступает безликость,
заводит немую мелодию
черная дудка.

Сияющие хороводы
в звонком пространстве кружатся

Солнце восходит в его золотистой кайме
видно макушек вращение

Но что за мелодию
черная дудка свистит?

Двигайся, слушай:
звуком и танцем пронизано все.

Слушай, какой звук у света,
у дерева, рядом стоящего темени
звук какой: слушай,

он целый и неповторимый.

Сухой человек дудит в черную дудку.

Хороводом пронизано все.

Что движет все,
что движется,

Что слышит все,
что слышится,

Что видит все,
что видится.

Хороводом пронизано все.

Сухой человек,
нецелостное
раздробленное
обезличенное время,
стойте:

вам противопоставлен хоровод неразделимый.

Каждая вещь есть то, что есть.
Солнце, солнце, полдень почти, луч.

Я пронизан.

Я падаю.

Я человек.

Я поражен.

СПИЧКИ

В глубокое ерничание дай не впасть нам,
не провалиться в сырость.

Сверху нам машут, призывая.

Дай выдержать призыв.
Дай выстроиться спичками прямыми.
Дай вспыхнуть по команде.

Видящие!
Наступает из тьмы
приближение.

Большой огонь!
Мы хотим свечения
повсеместного.

Наша заброшенность
в картон
невыносима.

Головы наши
созданы для чирканья.
Они зелены и красны.

Мы думаем о призванных,
взвившихся огнем и шипением,
чернеющих постепенно,
приобретающих сходство с запятой,
осыпающихся,
крошащихся,
вбирающих небо и землю,
так удивительно продолжающихся.

Нет ничего страннее и желаннее
самопродолжения вещей
в ином,

продолжения самого себя,
продолжающегося снега,
огня и зрения,

продолжения приближения.

РЮКЗАК

Так ли это, —
ты спрашивала, — так ли это?
А я только воздух сгущал немотой.

Я ни звука не мог и ни жеста:
я смотрел вверх,
пялился в потолок, будто в рифленое белое небо,
изучал его узоры,
замерев над громадной ямой.

Я готовился сдвинуться с места,
и рюкзак за моей спиной сиял красно,
будто невиданный мак.

Я готов был провалиться или полететь по воздуху
над яминым дном, непременно улыбаясь,
будто бесстрашный шут,
хотя не было со мной ни крыльев, ни парашюта.

Только рюкзак был со мной — красный, как мак,
только макушка — черная, словно его сердцевина.

И я сжимал в кулаке его лямку до белых пальцев,
я повторял:
urbi, orbi,
urbi et orbi,
к городу и к миру
я иду,

ничего не боясь,
ничего не провозглашая.

ПРОЩЕНИЕ КРОТА

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

1.

О простых вещах говорить шепотом,
едва касаясь уха другого,
едва веря в его барабанную перепонку.

Так февраль укрывает белой неизбежностью,
так говорит время: дудит в неведомую трубочку,
будто детство в стакан с газировкой.

Гортань для звука едва разомкнув,
замереть перед выходом голоса.

Внутренне в «о» превратившись,
молчать его —
с любовью, широко и смиренно.

2.

Каким огромным может быть один шаг,
каким долгим выдох,
если впереди — глубокая яма.

Если в падении, хватаясь за ее черные
земляные стены,
помнящие все прочие полеты,

неожиданно умрешь от удушья —
оттого, что раньше всегда знал это место.

3.

А снег идет так, будто никто ничего не знает,
будто никому ничего не нужно,
будто не было ни выдохов, ни падений,
ни земли всезабирающей.

4.

За городом, где существуют горизонты,
давно вымершие в мегаполисах,
за городом, где проселочная дорога —
слышна мелодия сострадания.

Там с неба падают странные нити,
землю укрывающие светящейся сеткой —
там ты стоишь в восхищении,
сон от пейзажа не отличая.

Если там кто-то знает о том,
как в дрожании воздух мерцает,
как поднимаются из земли к небу неведомые стебли,
как прорастают они в каждое тело,

то не тот, кто, провалившись на самое дно,
исходит гортанным криком,
а тот, кто накрывает ладонью

все — от этого места до линии горизонта.

5.

Вертится колесо истории
Колеса такси вертятся
Вертятся карусели

Вращение свершается

Вертится листок падающий
Вертится вода в раковине
Вертится шар громадный

Вращение свершается

Вертится буква невысказанная
Старик и мальчик в танце кружатся

Вращение свершается

6.

Легко вприпрыжку
Мальчик отделяется от дороги

Прикосновение

Как взлетная полоса
Между им и им натянута

Руки расправляются

Между ладоней протянута

Нить
Взлетная полоса

Прикосновение

Мальчик набирает ход
Неслышные турбины взаимности
Поднимают его вверх

7.

Как странно узнать вдруг,
что ничего не нужно:
ни черное, ни звон, ни столкновения.

Только движение в сторону,
по ровному воздуху,
по натянутой нити,
тонкой, абсолютно прочной.

Как странно узнать,
что ничего не будет, кроме этого:
легкой, тихой воздушной ряби,
расправленных рук,

дрожащего горизонта.

8.

Старик папирусный
Выдыхает
Делает шаг

Белое повсюду деревья торчащие их ветви как лапы паучьи

Тихий свист
Черная земля
Впитывающая земля
Всезнающая земля

Там они сплелись руками своими ребрами костями бедренными

Органический каркас настоящего
Всегдашнее присутствие
Напоминание о родовой несвободе

Всхлипывания
хруст
земли
влажной
сухой
первоосновной.

9.

О простых вещах бессловесным шепотом.
Так говорит о них простертая повсюду верность,
преданность того, что неотменимо.

Так сцепляются руки, люди
проваливаются один в другого.

Так обнаруживает себя огонь —
выпрыгивающий молниеносно
из густейшей тьмы —
такой, как бывает в утробе.

В месте, где мы начинаемся,
не люди еще, не пустота уже —
в это место хочется возвращаться,
чтобы вспомнить о главном.

10.

Вращение свершается.

11.

Зимние птицы, летящие над нашими головами —
может ли правота проявиться полнее,
чем в кажущемся бессмысленным птичьем крике?

Как тут не распластаться, как не оглохнуть,
как не упасть без воли к сопротивлению
перед тем, что так повседневно?

Бывает ли что-нибудь удивительнее
просыпающегося человека, страннее
падающего снега,

Есть ли у дома другой смысл,
кроме возможности возвращения?

Возвращения
к кухонному свету,
ладони,
тихому прикосновению,
глубокому детству?

Есть ли что-нибудь, достойное вздоха или удивления,
кроме подлинно простой вещи?

12.

О простых вещах говорить шепотом, как говорит время.

СТРЕКОЗА

Как вода извивается на дороге,
Капли мячами ненормальными падают,
Как отражается в ней походка твоя недокрасная,
Выдуманные твои небесные вертолеты —

Так возникает мир в глазах стрекозы.

Стрекоза парящая, крылья ее испещренные,
Ты, под стрекозой проходящий, неведомый,
Вода ты, взглядом отраженная —
Вот, круговорот, круг к кругу, вертится все, так идет все.

Стрекоза, вода голубая, дорогу опоясывающая,
Тающая зима, красная походка, так идешь ты —
Крикни: сюда! Своему отражению, крикни в глаза ее круглые,
В крылья ее паутинчатые: сюда!

Так приближается все.

Столкновение тебя крика со стрекозой пикирующей,
Пересечение со своим отражением плотным —
Вхождение во взгляд стрекозий переливающийся,
Круг к кругу, простое слияние,

Когда все замирает в полноте внезапной.

На зов пикируя, так возникаем мы:
Криком громким над собой произрастая,
Призывая воду текущую, стрекоз небывалых
Нелепые небесные вертолеты —

Так неведомое становится настоящим.

Так красный красным делается,
Зрение неотменимо целым становится.
Так она всеми глазами своими
Сверху на меня обрушивается,

Так в полноте тишиной звенящей стрекоза обращается.

* * *

Как это можно вытерпеть? — первому снится,
Будто он спрашивает кого-то.
Жалят осы, падают камни, загораются листья.
Темно кругом, дороги не видно.

Ему отвечает кто-то: вот женщина, у нее тонкие руки,
Серые глаза, она ходит легко, как падает снег,
Говорит как поет и спит как летает.
Посмотри на нее.

Как это можно вынести? — снится второму,
Будто он спрашивает кого-то.
Рыболовные крючки застревают в коже, режут ножи.
Впереди ничего нет.

Ему отвечает кто-то: вот лес, огромный и тихий,
Внутри его семенят мелкие животные, топают крупные животные,
Он шевелит ветвями, как женщина руками.
Посмотри на него.

Как это можно пережить? — снится третьему,
Будто он спрашивает кого-то.
Не сдвинуться с места, кругом пропажа,
Ничего никогда как раньше, темно и страшно.

Ему отвечает кто-то: вот небо, полное жизни облаков,
Самолетов, мелких зверей, крупных зверей,
Летающих дураков
Посмотри на него

Просто смотри вокруг, не спрашивай ничего

ПРОЩЕНИЕ КРОТА

1.

Возьми из рук моих
мне не принадлежащее:
весь этот хворост, этот рост и пласт.

Пласт временной,
рост костный,
хворост тонкий.

Возьми:

я наклонюсь в тебя так плотно, будто
всем шаром света внутреннего будто
в другого шар стеклянный загляну.

2.

Из центра шара видно как мерцает
не воля, а желание мое.
И как ему навстречу прорастает
мелодия другого бытия.

Из центра шара видно как везде
сужденье трепыхается в узде.

Из шара видно: под его покровом тонким
распахивается в прорыве звонком,
как заново умение прощать:
поющее внимание к вещам.

3.

Я вижу, как в руках несут
не то огонь, не то сиянье —
кругом оранжево вниманье,
и воздух странно полосат.

Что просят люди на дороге,
чего хотят они в дороге —
куда, куда они идут,
и что несут, зачем несут —

как воздух странно полосат,
горит как кожа на ладонях.

4.

Не оставляй меня во мне — поет,
не оставляй,
там глубь и тьма,

водоворот.

Там погружение такое,
что каждое паденье в глубь —
есть черный крот.

Безглазый
Безголосый
И когтистый
Он тихо роет ход

Я звуков этих с малолетства
боюсь

Я во мне
боюсь упасть и рыть куда-то
без зрения
без слуха

Будто
мне снова три
опять двенадцать ночи
и там, в углу, есть кто-то,
он шуршит,

а мама далеко на кухне теплой —
и мне к ней не доплыть, не долететь

5.

Горят как кожа на ладонях

Внимания к вещам горят
Как воздух странно полосат

и те, идущие —
поют,
не говорят

6.

Где бы ни был ты —
во тьме собственной глубокой,
в центре ли светящегося шара,

наклоняясь к другому
протягивая ему ладони

полные странного
никому не принадлежащего света
принимающего любые формы —

в подлинном акте дарения
сам становишься тем, другим.

Вот так идущие отрываются от дороги
заполняя воздух собой как полосками
странным свечением

Поэтому песня их падает сверху как купол
как горящий шар
как внезапное прощение
всех подземных кротов

Поэтому

7.

Возьми из рук моих
мне не принадлежащее:
весь этот хворост, этот рост и пласт.

Пласт водный,
рост земной,
небесный хворост.

Возьми же, ну:

я наклонюсь в тебя так плотно, будто
всем шаром света внутреннего будто
в другого шар стеклянный загляну.

8.

Сужденье трепыхается в узде.
Горящий шар — свободен и везде.

БЕЛЫЕ СЛОВА

ЩЕЛЬ

Кое-кто ему шепчет: тише, тише,
Все уже происходит.

Не шевелись, а слушай —
Одно приходит, другое — уходит.

В этой щели
Между будущим и прошедшим

Лучше — тише,
Лучше — как можно тише,

Может, когда-то вынесет, куда нужно —
То ли ниже, а то ли выше.

Время бывает
Цельность теряет

Трещит

Появляются
Щели

Внутри их — те,
Кто тишайше стремится к цели.

Туда, где время сплошное —
А тело в силе,
Где не только в теченьи дело,
Но также в воле.

Молчи,
Молчи
В щели находясь,
В затишье,
Свернись, как пергамент,
И тише, как можно тише,

Не мешай тому,
Что уже с тобой
Помимо тебя
Происходит,

Не мешай, когда
Одно, как время, уходит,
И другое, как время, приходит.

* * *

Я солнце уронил, и падало оно
Вдоль этажей —
Мой желторотый шарик,
Сияющий, как детское лицо.

Какой-то странный человек его схватил,
Поднял с земли, унес, и за углом
Исчез, как будто в космос улетел.

А я ему кричал, но вместо слов
Из горла вылетали облака —
И растворялись тут же, будто пар.

Но память,
Сохраняющая все —

Тяжелая,
Как тысячи столетий,

И сжатая,
Как тысячи пружин —

Она, что с каждым годом
Тяжелеет —

Я на своей спине ее несу,
Пока сам — весь —
Не превращусь в нее.

Но память,
Из глубокой сердцевины
Которой
Возвращается мой шар,
И облака дыхания летят — не зимний пар,
А белые слова.

Я их ловлю,

Я становлюсь все легче.

* * *

Иди ко мне, мое во мне,
А не мое — уйди.
Мне хочется кристалл иметь,
Иметь кристалл в груди.

Так пели дети на постах,
Так дети пели на местах.

Я был один из тех детей,
Я ничего не знал,
Я только звал его и звал:
Иди ко мне, кристалл,

Тут шум чужой
И текст чужой
И жест чужой
И смысл
А мне в нем быть,
А мне в нем как
Смотреть и говорить?

Как вместе с временем во мне
Росли другие я,
Так радость эта вот во мне —
Моя ли, не моя.

Как лица умножались и
Удваивался взгляд,
Так этот, в зеркале: он кто —
Мой образ или я?

Когда я был без места и
Тем более поста
Никто во мне не заслонял
Крутящийся кристалл

Я был, смотрел и говорил,
У времени в руках,
Я в воздухе – лежал и плыл,
Как лодка в облаках.

Как между воздухом и мной
Был только воздух как
Мне четко виден был тогда
Кристалл – другой.

КОМЕТА

Дети лицами вверх лежат,
Их лица красны,
Морщинисты будто.
Так дети лежат —
Как лисички в грибнице,
Как пчелы в сотах,
Как дети грудные — дети лежат.

Ребенок выходит из влаги тугой,
И протыкает мир головой.
Воздух в него проникает,
Изнутри расширяет.

Дети, набравши пространства, кричат.

А пространство, что не имеет лица,
Чтоб лежать им вверх или вниз,
Крутится-вертится, так — без конца,
И начала не знает никто

Воздух
падает
в новопришельца
тяжелым, как есть.
Как не есть, невесомым —
он будет потом, до конца.

И тяжесть не помнит никто.

Рождаются дети, взрослеют и ждут.
Телами буравят пространство,
Сквозь невесомое сами идут
И кого-то ведут за собой.

А после лежат на диванах своих
Лицами вверх или лицами вбок

Как в грибницах лисички, как пчелы в улье,
Как дети грудные, не-дети лежат.

Набравши пространства, кричат.

А там, куда добирается крик —
Комета летит, у нее на хвосте
Сидят голоса кричавших лет сто,
А, может, и двести назад.

И тяжесть не знают они.

Легко и легко, вобрав голоса,
Комета летит и поет.

* * *

Я руки расставил и вдруг полетел,
И было вокруг голубым.
А я был, как мел — я крошился и бел,
Я вверх,
Я молчун,
Я летел.

Я видел: кружилось,
Я видел: текло,
Я слышал: трещало, свистело,
Вот время — такое же —
Белым бело,
Вверху,
В тишине,
У предела.

События — птичьи стаи,
Летевшие прямо и вдоль.

Происходившее
Настоящее

Случалось,
Сужалось в даль.

Я принимал их.

Они — черны.

Я — бел.

В тишине мы — равны.

Все, что случалось — было во мне.
Птицы событий,
Я, белый, как мел,
Мы — равносущные в тишине.

А внутри меня кричала пустота.
Уходя, кричала пустота от страха.
Сотрясались, дрожали пустые места.
Дыры, лакуны, прорехи.

А я летел,
Я был чист и бел,
Я времени пел
И птицам пел.

А потом упал,
И остался цел —
По земле ходил,
Оставлял следы.

И расцвел во мне
Полноты цветок.
Теперь во мне —
Монолит.

Мы идем по земле,
И мои следы —
Это его следы.

СЛУХ

СЛУХ

1.

Мне было слышно изнутри,
Как будто слух переместился
В живот и грудь, и там дрожит
Воспринимающая пленка.

Иди, иди, послушай как
Стучится то не знаю что.

У неба молния в руках,
Перевернулось все вверх дном

И я стою на дне как тот
Кто молнии руками ловит
А после огненную ткань
Втыкает флагом на вершине

А после удивленно смотрит,
Не веря в то, что это он,
А также в огненные флаги
И дальше, в прочее такое

Но тот не знаю кто стучится,
Дрожит внутри мембрана слуха

2.

Потому что стоять с каждым годом становится все страшнее,
Я присаживаюсь на корточки и включаю плеер.
Там тихая женщина поет мне о неизвестном городе,
О его повсеместной тиши.

Я вхожу в ее голос и взлетаю на крышу

Все, что мне видно сверху – дрожит и трепещет,
Слышит и говорит, что не бывает такой сторонки,
Куда отойти можно, не существует такой ваты,
Которой весь можешь быть обложен.

Вата, белая вата!
Мой щит мягкий, мое облако, моя странная лодка!
Как нам белым-бело было вдвоем с тобою,
Когда я плыл в твоем коконе, будто дитя в утробе.

Вата, вата, я из тебя родился,
Стою прямой, и в каждое сочленение
Проникает голос,

Говорящий, что не бывает другого чуда,
Кроме прорастания песни —
Живого,
Танцующего,
Слепого,

Проникающего выше любой вершины
В безоглядном доверии голубом и веры
Золотой оправе

3.

Спи, стоящий, пусть тебя укрывает
Ткань огненного флага,
Пусть тебя укачает
Танцующий воздух.

По ту сторону яви
Тоже существует песня.

Ее неслышные
Самые главные
Отголоски.

Спи, стоящий, для них сосудом,
И ничем помимо,

Неси их внутри,
Как драгоценную воду —
Основу слуха.

Вода сверкающая!

Что, кроме нее, направит,
Когда проснешься
И встанешь во чистом городе
Без проводника и карты,

Что, кроме плеска,

Кроме внутри дрожания,

Кроме слуха?

Вода сверкающая,
Огненные флаги,
Растущая песня

ЕЖ

1.

Смотри, на земле происходит что:
пространства — нет, а есть — решето:
все, что меньше дыры его
проваливается прочь.

А то, что больше — лежит в пустом
сверкает, как под ночным кустом
утерянный телефон.

И трубку некому взять.

2.

Растет забвение, растет,
стоит внутри во весь рост
во весь свой стеклянный рост
простое, как слово «да».

Растет как паводок, проводить
его нельзя, как ежа убить,
ибо убийцу потом всю жизнь
преследует тень ежа.

3.

Кто провалился в твою дыру,
способен кто рассказать кому?
Сказал бы речь, да вот только течь
давно, и у нас в борту.

Способен тот утонуть, кто здесь
найдет глубокую воду, кто
не верит сказавшим ему: вокруг
ни капли, одни пески.

Кто в раковине городской
узнает судьбу реки.

4.

Растет забвение, и растет
громадный плод его розовокожий,
он рассказать не может,
откуда он, и кто, и почему.

Я кожу гладкую его
своим прикосновеньем потревожу,
а позже плюну
прямо в лоб ему.

Течет по лбу слюна, как по катку.
Ему такие страсти нипочем.
Лицо его, лишенное изъянов,
не может быть
ни плакальщиком, ни смехачом.

Вот он обсох, и только больше блеска.
Он гладок, бел, и в нем так много лоска,
что я подозреваю: он же плоский,
и оттого так сладостно ему:

в трехмерном мире
не знает он объем и глубину.

5.

Смотри, происходит что:
кто смертельно тонул, тому открыла
земля свой черный проем.
О тех нельзя говорить ничто,
ибо — завершены.

И за это ушедшим на дно — хвала.

6.

Смотри, как твой зарастает холм,
где бил ручей — прорастает мох,
где течь, где брешь — там надежно щель
латает собой трава.

Твои места отпускает то,
что делало их твоими, и
они — не более, чем места.
Скамейка, за ней — ничего.

Смотри, как жизнь изживает нас:
что ты, как спицу внутри, носил,
летит копьем невозможным ввысь,
в полете теряя вес.

Кожа затягивается твоя,
ибо наш организм таков.

Смотри, как все зажило, и как
то, что стояло со всех сторон,
как мировой океан,

в белой раковине журчит,
и, когда тебя раздражает плеск,
то закрываешь кран.

7.

Смотри, на земле происходит что:
гладкой стала земля,
поросла асфальтами, как травой,
и дороги новые чернотой
белизну подчеркивают твою.

И воздух огромный внутри тебя,
проходит все отверстия сквозь,
вдоль позвоночника твоего
вбит забвенья стеклянный гвоздь.

Не вернуться туда, чего больше нет.
Не вернуться тому, кого больше нет.
Не дозвонишься тому тебе.
И некому, в общем, звонить.

Не оборачиваясь, ибо уже
пройдены рубежи,
ты едешь на прошлом, как на еже.

И другая зовет вода.

МАРТ

Воздух разрезан надвое утренним солнцем.

Слева — март, а справа, в тени — зима.

В тень уползает темно-синее, серое, иссиня-черное, морозный ветер,
хруст уползает в тень, нетронутый снег со следами собак,
отчаянное стояние под зимним небом, охота на белых неуловимых
бабочек,
холод рук, непринадлежность и неприкаянность,
стояние в темноте, будто спиной к Богу,
с огромной ямой пространства перед глазами,
прочие приметы зимы — отползают в тень.

Девочка в красной курточке выходит на солнце, ее собачка,
встречный прохожий в оранжевом пуховике, рыжеволосый мальчик,
отчаянная смелость, радостный прыжок в неизвестность,
к неизведанному, прочие приметы расцвета,
сильные, как рождение, и видимые, как само солнце —
прорастают в области марта, поскольку живое
обязательно прорастает там, где существует освещенное место.

Так я думала о том, что было бы, если бы все стало понятным.
Если бы обозначились четкие границы, а смешения отменились,
смешения несоединимого, но все же соединенного
в одном и том же.

Так мне хотелось взлететь, будто самолет, чтобы увидеть сверху
всю Божью сетку —
место своего узелка во всем плетении,
чтобы знать, за какие километры нитей отзывается
мелкое мое движение.

Как один человек становится причиной другого,
как мелкое событие предваряет значительное,
за счет чего само делается весомым.

Как две вещи формируют третью, как она преображается
и существует в последующей вещи, как последующая отменяет
предыдущую, полностью от нее завися.

Как он там так располагает и сталкивает детали.

Я хотела увидеть, какую форму и контуры имеет наше непостижимое общее дело, если обозревать его в целости, а не из маленькой точки собственного существования, с фантастического самолета, как пшеничные поля со спутника.

Так мне хотелось, и в естественной
человеческой невозможности
я, соединенная, я, неотделимая,
чувствовала:

я — маленькая,

я — большая.

ХОЛОД

1.

В холоде больше сути, чем в избыточном лете,
с его увлажненным телом, тесным кольцом окруженья —
зеленым, желтым и красным.
В холоде больше веры, больше правдоподобия.

Только колючий воздух, круглый, как бесконечность,
да голубое на белом — вот вам и все пространство.
И человек, как камень, становящийся легче,
за счет отсечения лишнего — до абсолютной правды.

2.

Если сказать спасибо, только ножам холодным,
острым порывам ветра из легких того, другого,
кто любил, пока не заледенел.

Если благодарить — за высечение формы
собственной, но неявной,
пока не сработал скульптор.

Высеченной формы, способной стоять в открытом
городе, будто дома:
спокойно, бесстрашно, честно,

слушать музыку времени —
и не хотеть бежать.

3.

Соседка вчера потеряла собачку прекрасную, Тита.
Стоит и сжимает комочек снега в ладонях.
Руки ее без перчаток красны, будто стыд.
Вот что увидела я, утром выйдя из дома.

Иди, обними меня, будто мы знаем друг друга
и будто мы все еще можем друг друга утешить.

Уйди от меня, сумасшедшая, —
вот что сказала соседка.

Мне соседи мои не знакомы;
их странные лица,
что я встречаю в подъезде, идя на работу
или с работы.
Я тоже такая для них: лицо в полумраке подъезда хрущевки,
чужое, как снег, и как снег —
исчезающее.

Мимолетные люди, не люди почти что —
фигуры на фоне,
мы ли можем утешить друг друга?

Пространство не следует больше законам места,
мы в новых законах живем по-другому.
Нам изображение леса заменяет деревья,
а реку — поток информации

непрекращающийся,
безостановочный,
вечно несущийся, будто источник его —
не во временных людях,
таких же, как мы — мимолетных,

а в чем-то, что не имеет
конца и начала.

4.

Улице зимней тонкой,
сумасшедшей соседке,
пропавшей ее собачке,
скажем теперь:

хвала.

Тихим и голым веткам,
лицам таким же тихим,
жестокому зимнему ветру,
скажем теперь:

хвала.

Голосу еле слышному,
голосу настоящему,
правде, холодом высеченной
на нас —

хвала.

Неведомому Тому-то,
голубому на белом,
и тишине, звенящей
холодом:

хвала.

ДОМ

Я видел дом, он был и пуст, и полон: неразделимы «да» и «нет».
Как бесконечен, полный золотых уколов,
внутри меня растущий свет!

Я видел исчезающие знаки: они скрывались, поняты едва.
Легки, как самолетики простой бумаги,
легки насущные слова.

Как слово падало и глохло, как дом качался и скрипел,
как свет, как шум, врывался в окна,
как я его предвидеть не сумел,

Так золотые иглы прошивают
мою неудивительную брешь.

В новорожденной целости играет
еще не «да» и «нет», еще не речь.

ЖЕЛТЫЙ

Войди в мой желтый дачный участок,
Где только полнота присутствия есть,
Где каждый круг совершенен,
А линия непрерывна.

Мне хочется прямо говорить о солнце.
Мне хочется прямо говорить о нежности.

Сияющий ребенок потягивается на крыльце кирпичного дома,
Озаряет бетонную дорожку своими зрачками, будто прожекторами,
Ребенок, в свете которого все, на что он смотрит,
Начинает существовать в полный рост, в полном правдоподобии.

И каждая вещь становится близкой другой
Просто потому что находится по соседству.

Милая Софья, все, чего ты касаешься, играет с тобой.
Даже я, лежащая в одуванчиковом желтом
И звонящая по игрушечному мобильнику
Вымышленным воробьям и ежам.

Вымышленное — так говорю я о том, что в тебе настоящее и живое,
В чьем существовании не сомневаешься,
Ибо твое пространство вообще не допускает сомнений,
Ибо здесь, в нашем желтом дачном участке,
Все, что есть — это полнота присутствия.

Как вещи при твоем появлении начинают играть с тобой —
Так между мной и землей появляется странное родство,
Будто мы влияем друг на друга чем-то неясным моему уму,
Будто мы проявляем друг друга, будто я становлюсь собой благодаря ей,
А она — благодаря телу моему.

Странное родство, совершенно ясное твоему уму,
Ясному, как желтый луч, в его свете по мановению твоей воли,
По взмаху волшебной палочки твоего взгляда и воображения
На кухонном полотенце появляется выводок невидимых котят.
Ты нянчишь их на моих невидящих глазах.

Твоя странная нежность ко мне, человеку почти чужому
Подталкивает вступить в игру.
(Ибо в твоем пространстве не бывает чужого — так же, как вымышленного,
мы находимся по соседству и проявляем друг друга,
позволяем друг другу истинно быть)

Когда ты внезапно обнимаешь меня посреди желтого дачного
участка
Предлагая посмотреть на твоих котят —
Я соглашаюсь, и вдруг вижу их в желтом свете солнца,
Играющих на кухонном полотенце среди желтых одуванчиков.
Спрашиваю, кто они, а ты называешь в ответ имена.

Я включаюсь в игру. Так я говорю «да» всему,
Что бывает и есть, всему, что нас окружает.

И больше не могу отделить себя от пространства,
Ибо сама начинаю быть местом, где оно проявляется,

Рождается,
Пребывает.

КОЛОДЕЦ

* * *

Столько кругом отголосков,
что слишком сложно различить голос:
налево посмотришь — эхо,
направо — тоже

Будто ходит оно по кругу,
само себя отражает -
и все давно позабыли
того, кто вскрикнул

Что за слово случилось?
Звал ли на помощь,
или радостно восславил
небо и землю —

этого мы никогда не узнаем,
мы никогда его не увидим.

Потерявшиеся во вращении слепого звука,
повторений повторов, удвоений и без того двойного —
мы присоединяем к общему шуму свой невнятный шепот,
возгласы, крики

Шумит земля голосами,
полон голосами воздух

Я встану прямо насколько умею и глаза закрою,
буду молча стоять, как вода и деревья —
в беззащитности своей
становясь сильнее

Навстречу другой тишине тишиной выльюсь,
наполнюсь встреченным — стану единой,
будто тот голос, что не расслышать,
ненайденный, потаенный

Все самое важное я скажу тебе молча,
а неважное, множась, выговорит эхо

КОЛОДЕЦ

Что за поле, откуда, здесь,
где земли
не видно вчера и сегодня,

где контур не может быть ясным,
где четкость есть миф,

откуда здесь поле?

Откуда тут яма, кто вырыл ее,
кто вылил на дно голубое?

Колодец! Не верю,
глаза мои, что,
куда мы упали,
в какое подводное зрение?

Не видно, закрыла, как будто одели мешок,
а в этом мешке все вертится, будто поется,
будто в меня провалилось огромное солнце,
и всюду солнечный ливень внезапно пошел.

Из колодца, не верю, вода поднимается вверх
столбом голубым разливается всюду и всюду,
поле становится водным, и я вместе с ним
водянею бесповоротно: другой я не буду

Откуда воробышек, друг на макушке моей,
где только вода — положено рыбам, не птицам,
кругом воробьи превращаются
и вереницей
летят незнакомых, но все же любимых людей

Люди как поле и люди как голубое
люди-колодцы
люди — летящие солнца
и птицы

Люди как четкость
и люди как страшное зрение

Там стоит человек и он машет тебе, посмотри

Человек есть колодец и поле и солнце
он машет тебе
посмотри

* * *

Прилетел жук, крылья сложил, и показал: вот.
Я посмотрела на панцирь его,
на колючие тонкие лапки его,
и ответила: это о том.

Ветер подул, подсолнух качнул коронованной головой.
Я посмотрела, как желты короны зубцы,
как стебель держащий тонок и слаб:
да, и это о том.

Включила симфонию Брамса.
Общий голос рос, потом обрывался.
Один, как гобой, человек в тишине.
Пел: да, это о том.

Я в глаза человеку смотрела, и трогала кожу,
И долго лежала с ним молча.
Пока я молчала, любовь говорила.
Да, говорила о том.

Все об одном,
вся об одном,

неявная речь
из глубины яви,

об одном,
единственно важном,

том самом.

* * *

Алексею Порвину

Плотность невиданная вокруг:
будто время сомкнулось в круг,
будто воздуха нет и нет,
а вместо него — свет.

Свет танцующий, будто шмель,
свет играющий, будто я,
свет густой, будто мед,
свет, что тебя зовет.

Зов глубок, как сама вода.
Точен зов, как твои слова,
что приходят с самого дна
и на воде блестят.

В целый свет
складываются огоньки,
блики.

На берегу реки
далеко видно:

плотным кольцом смыкаются
тепло, вода и время.

Слишком светло, чтобы говорить ясно.
Только вскользь,
о самой толще воды,
скользя
по ее поверхности

* * *

Алле Горбуновой

Как оно стучалось,
как не моглось -
так безвозвратно
вбит невидимый гвоздь
в глухие, запертые изнутри ворота.

Тик-тук, бом-бом
Тук-тик, бом-бам

Ты не стучи туда, где не зовут;
ты не зови того, кто не стучит.

Пронеси в руках раскаленную
вынутую
из огня связку —
и выбрось ключи.

Дон-дзынь! дон, дон
Дзынь-дон, дин-дон

На ладонях ключами выжжен след —
завтра он будет узором
крыла бабочки,
послезавтра — она упорхнет в слова,
посмотришь — в ладонях ничего нет.

Встанешь прямо
зовущей тишиной

Ладони сложив
местом для музыки

* * *

Оказалось страшно
смотреть в лицо подсолнуху,
видеть тело шмеля в подробностях,
нескончаемые поля.

Поле, поле! Большое,
сколько ни идешь —
всегда оказываешься в его начале,
ибо его начало там, где ты.

Где ты его исчисляешь собой,
странным телом своим непослушным,
что называет стороны света
поля и само себя.

Сколько можно пройти, не упав пораженно
перед лицом правды,
смотрящей из каждой точки пространства,
неизменной, неотменимой?

Сколько можно давать себе другие имена,
если есть только одно,
единственно данное мне —
и не мной?

Я слаба, как человек: мои обманы
сверкают золотыми украшениями на том,
что в них не нуждается,
но что страшит неукрашенной обнаженностью

Такая неотделимая правда вокруг и внутри!

Как странно мне это соединение,
в котором каждая вещь на своем месте
и все есть на самом деле.

Поле, дорога — приятие и вера:
то, через что обнаруживаешь себя,
через что другое становится найденным.

ТЕПЛО

И нечего было скрывать,
И незачем прятаться,
Лиса, от хвоста своего убегающая,
Свеча, своего огонька сторонящаяся.

А любить огонек, предназначенный дать,
Так, как любит земля из нее вырастающее.
Эти теплые тихие
Сильные слабые вещи,

Не защиты желающие —
А беззащитности,

Не укрытия —
Поля открытого.

Смотреть на мерцающий между-свет
Между людей,
Данных для одиночества:

Бывают такие люди,
Как лес.

В свободе приятия — слышишь:

Тепло,

Теплота.

Что-то неясно горит,
И живое,
Свободное —

Вот же:

Ноябрь, остановка, мороз

Небо розовое говорит

* * *

Папе

1.

Есть расстояние от края до края неба,
сердцем одним измеряемое,
удивлением взгляда
перед распахнутым и огромным,
голубым глубоким.

Есть расстояния, измеряемые шагами,
утренним транспортом,
взглядом, направленным в землю,
чтобы не наступить на пятки спешащего рядом
по асфальту волнистому и
ровному подземному мрамору.

А есть такое расстояние,
какое ничем не измеришь,
кроме времени.

Таково оно между нами:
о нем не скажешь
ни воздухом,
ни землей,
ни взглядом,
ни сердцем.

Но — то тянущимся, то бегущим,
то водоворотом
закручивающимся
временем,
отпущенным мне —
до моего —
отсутствия.

2.

От ветки полнокровной до цветка,
от стебля до травы торчащей,
от насекомых всяких до зверей:
собак, котов и птиц кричащих,
от вечера синеющего до
полного живого дня —
такого плотного и тесного,
какой бывает только летом
неотменимое, неоспоримое
натянуто невидимое нет.

Мы с мамой смотрим на свое нигде.
Его не видит ни сосед, ни яблоня.
Стоит большое лето, как вода —
торжественное в цельности сплошной.

А наше нет качается везде,
отсутствие пронизывает воздух
и проникает все его цвета,
подмешивая строгую прозрачность.

Ее не видят ни сосед, ни яблоня.

Так я не вижу, как другие нет
пересекаются с моим в пространстве общем,
и как из них бьет острая трава,
и белые цветы сияют повсеместно.

Со временем сжимаются они
до капли водяной, и эта капля,
как концентрат любви, проходит в землю,
в ту землю, где они всегда лежат.

И океан присутствия растет
из маленькой неизъяснимой капли.

3.

И стало надо мной другое
Зимнее
И дымка вдалеке

Дорога кладбищем прозрачна и пуста

Туда где бывшее родным лежит в земле
Так близко и так далеко
И камни белые над ним, цветы сухие
И зимнее большое — надо мной

А было впереди — без края; ветер
И камни белые над ним, как облака

Мы через память чистую свою
Становимся свободнее, идем,
Как будто бы летим —
Так медленно, как крупный снег летит

Как смерти нет для снега,
Смерти нет,
Есть здесь и память.

Все, что золотое
Собрать внутри —
И дать прямой ответ
На просьбу
Здесь всего

Ответить золотым своим
Внутри подобьем
Любовью и вниманием
Тому, что здесь сейчас

И что когда-то здесь.

* * *

Эта горстка – золото дней.
Лежит у меня в руке.

Тихо и беззащитно
Случается
Важное.

Никогда не гремит маршами,
Но музыкой на воде.

Это золото – музыка.
Музыка лежит у меня в руке.

Годы и годы
Ширятся
Память мелеет.

Тонкое оседающее
Все тоньше

Легко лежащие на моей ладони

Случайное слово
Несмелая нежность
Окно, ненароком
Оставленное открытым

ПЕРЕВОДЫ

ВИКТОР КОРДУН

Виктор Кордун родился 20 августа 1946 г. в Житомирской области. Дебютировал в 1967 г. на страницах «Литературной Украины». Сразу после дебюта его стихи были запрещены к печати. Учился в Киевском университете, откуда был исключен, попав в список политически неблагонадежных. Окончил Киевский институт театрального искусства. Имя поэта снова появилось в печати в начале 80-х годов.

Автор книг: «Земля натхненна» (1984), «Пісеньки з маминого наперстка» (1985), «Славія» (1987), «Кущ вогню» (1990), «Сонцестояння» (1992).

Издавались книги в переводе на немецкий язык: «Kryptogramme» (1996) та «Weisse Psalmen» (1999).

Лауреат премий им. П. Тычины и им. В. Сосюры, а также премии Международной фундации Антоновичей (США).

Умер в 2005 г.

* * *

Подай мне руку
и проведи по тропе
между наших смертей.

Если нельзя по-другому,
проведи меня сквозь смерть:

я боюсь сам в ней потеряться —
и не выйти на свет,
я боюсь забыть
о сегодняшнем солнечном дне.

Влечет меня и отпугивает
словосочетание: тяжелая вода, —

как тут уберечься,
чтобы она не вытеснила
всю память?

КАПЛЯ ТИШИНЫ

Мама,
уже возле нашего дома
сужается
тишины свиток сплошной.
Не зацвели
этим летом
ни тыквы твои,
ни мальвы.
То ожерелье,
что мы собрали
на побережьях ежедневных озер
самосвертывающихся,
уже слишком тяжело и холодно
для тебя.
На постели своей
светлой-светлой
ты все меньше,
все меньше.

ГДЕ-ТО ПОШЕЛ ДОЖДЬ

Где-то
а может и здесь
пошел такой дождь
дождь пошел такой
что стало некому и некуда
вытаскивать
только что утонувшего

с самого утра
я сижу
за своим шатким столом
и никак не решаюсь
коснуться
собственного тела

ПРАЗДНИК ВОДЫ

Мокрая все еще
узкая твоя лодка –
целую ноченьку
плавал я в ней.
А как взошла заря
и раскрылась красно:
ах, какой водой пречистой
облил я тебя!
Или это изморозь
в огромных глазах твоих встала,
или это льдом тонким
вся речка взялась?

ТИШИНА

Подвел меня Господь Бог
к великой тишине
и спросил:
что ты можешь
на ней написать?

Я сказал, что хотел бы
написать на этой вот тишине
еще такую тишину,
ради вслушивания в которую
следовало бы неминуемо
создать этот мир.

Молча
стояла между нами
смолистая полесская ночь –
безграничная и безмолвная.

ОСТАВЛЕННЫЙ ДОМ

Моему отцу – на память души

Замкнулся круг,
и разлились в нем белые соколы. —
Умерший
отошел
в сияние.
Проступают
изнутри
пушистые иголки инея
и покрывают тело.
Большеглазая веточка
души,
такая пресветлая — светлая,
склонилась над ним.
Жалобным голосом
свирели,
будто серебро,
прочерчивает для себя крылья.
Чашки с водой
и хлеба
никто не коснется
ни день,
ни два,
ни века:
чистая стена
в зеркале.

ВАСИЛИЙ ГОЛОБОРОДЬКО

Родился в 1945 г. в Луганской области. Учился в Киевском университете им. Т. Шевченко на филологическом факультете (1964–1965 гг.), Донецком государственном университете (1966–1967, отчислен за «антисоветскую деятельность»). В 2001 г. получил высшее образование в Луганском государственном педагогическом университете им. Т. Шевченко.

Стихи начал публиковать в 1963 г. Первый поэтический сборник «Летюче віконце», который готовился к печати в одном из киевских издательств, был уничтожен из-за несогласия автора сотрудничать с КГБ.

С 1969 г. по 1986 г. стихи Голобородько не печатали в Украине. В 1970 г. в США (Балтимор) в издательстве «Смолоскип» был напечатан сборник стихов «Летюче віконце».

В Украине первый сборник стихов «Зелен день» напечатан в 1988 г.

В дальнейшем книги Голобородько регулярно издаются в Украине: «Ікар на метеликових крилах» (1990), «Калина об Різдві» (1994), «Слова у вишиваних сорочках» (1999), «Ars poetica» (2002).

Лауреат премий им. В. Симоненко, Национальной премии Украины им. Т. Шевченко.

Член Союза писателей Украины (с 1988 г.), Ассоциации украинских писателей (с 1997 г.).

Стихи переводились на польский, французский, немецкий, английский, румынский, испанский, шведский, русский и другие языки.

ИСКАТЕЛИ МОГИЛ

И. Калинцу

Всматриваемся друг другу в глаза,
выкрикиваем самые важные, будто что-то угрожает
нашему
существованию в этот момент, слова сквозь толщу воздуха,
спрессованного в тяжелую океанскую воду,
но вместо слов слышим обоюдное молчание:
— где наш голос?

Стоим перед окошками в тюремных воротах
в бесконечных очередях, выпрашивая свидания
и чтобы передать передачу, но нам сообщают,
что тех, кого мы разыскиваем, здесь нет:
— где наши поэты?

Ходим по кладбищам всего мира,
прикладываем ухо к молчаливым безымянным
могилам в лесах, в тайге, в тундре,
прислушиваемся к братским могилам умерших
в голодном тридцать третьем году
(не услышим ли звучание сопилки, дудочки, денцивки,
флояры, джоломии, закопанных
рядом с погибшими),
спускаемся водолазами на дно моря к могиле
затопленной баржи с осужденными,
с ужасом приближаемся к присыпанной землей
яме, наполненной известью:
— где могилы наших поэтов?

(Зажигаем свечу
перед пустыней мира
в вишневом цвету)

* * *

А нам бы не идти дальше,
где тропинки под названием: чтобы заблудился.
Сейчас они ровные и гладенькие — хоть скользи —
а дальше прячутся под широкими листьями трав.
Или выведет к обрыву над пропастью и исчезнет,
потому что дальше тропинка под названием: чтобы не вернулся.

* * *

А тогда я расскажу тебе на ухо
крылья мотылька
прошепчу бархат мха
скажу мед тебе на ухо
и ты узнаешь
какой я нежный и ласковый

* * *

Он овладел пониманием
сжатого кулака
когда пять речек как пальцы
текли в одно море
а по ладони плавали корабли
а из раскрытого кулака
пальцы текут в разных направлениях
и ладонь становится пустыней
об этом он уже знал

* * *

Раковиной ему испокон веков
хотелось лепиться ко дну корабля

Он становился раковиной и лепился очень плотно
так что уже и не оторвешь

И никто ему не сказал что он не раковина
а корабль в этом море

* * *

Называем огнем неогонь
радуемся этому ежедневно
молимся огню который умер
— птицы умолкли —

У каждого есть светильник
но ошибаемся
потому что ни в одном нет масла
— птицы улетели —

На кострище сходимся
чтобы одалживать другим жар
но находим пепел
— птиц не было —

* * *

В желтых колосьях
живут птицы с желтыми крыльями
каких нет ни у одной птицы

Подует ветер
птицам захочется полететь
снимется все поле и полетит

Чтобы послушать желтые песни
смастерю клетку
и посажу туда одну птицу

Поле полетит
всего не поймаю
одной птице больно в одиночестве

МИКОЛА ВОРОБЬЕВ

Родился 12 октября 1941 г. в селе Мельниковка Черкасской области. В 1968 г. закончил философский факультет Киевского университета им. Т. Шевченко. Член Союза Писателей Украины (1987).

Один из основателей литературной группы «Киевская школа поэзии». Один из лидеров андеграунда «семидесятников». Публиковаться начал в киевском «Самиздате», сборники «Букініст» (1966) и «Без кори» (1967). Печатался в официальных издательствах после горбачевской «перестройки»: «Пригадай на дорогу мені» (1985), «Місяць шипшини» (1986), «Ожина обрію» (1988), «Прогулянка одинцем» (1990).

В независимой Украине отмечен рядом премий: П. Тичины (1992), «Благовіст» (1993), от «Приятелів Руху» (1994), им. Т. Шевченко (2005).

На протяжении 1991—2007 гг. вышли в свет шесть сборников поэта: «Верховний голос» (1991), «Іскри в слідах» (1993), «Човен» (1999), «Срібна рука» (2000), «Слуга півонії» (2003), «Оманливий оркестр» (2006), «Без кори. Вибране» (2007).

Стихи переведены на английский, испанский, португальский, немецкий, сербско-хорватский, румынский, армянский, польский, русский и грузинский языки.

*

Всплеск воды: треугольник незримого
песок между песчинок
наверное у него нет дна...
Хотя теперь это не имеет значения...
меня уже давно не ищут
часы без стрелок
проводят меня в детство

*

Я всегда в ожидании зверя:
почти всегда
даже когда наклоняюсь
чтобы сорвать цветок

*

Я оглянулся и вдруг увидел
как упорхнуло вверх белое
и самая белая цапля между деревьев растаяла
из маленького озерца у болота
а я и не видел я не успел
ничего я не успел в этой жизни
приблизился к воде и камышу
а там белели две лилии неподвижно
может она с ними играла
а может посетила местность предков
о чем они там шептали
и не плакала ли она вот так как плачу я?

*

В разлитой зеленой тишине
я угадываю твердые части холмов и мягкие кисти низин
и временами вздрагиваю от холодного жидкого зеркала
глубоко на дне моего путешествия

*

Приходишь в мир раздаешь или теряешь игрушки
Потом изображаешь птиц
но о золоте рождающем морщины
говоришь молча...

*

Из толпы кто-то помахал рукой
я остановился
я долго искал того человека
я опоздал на работу
кто-то рукой помахал...

*

Видимый мир — художником натянутая сетка
сетка если касаться ее
а если не касаться
то пространства необозримые

*

Что бы мы ни делали и к чему бы ни стремились
мы не решим ничего
если не будем развивать то
чего не существует

*

Бабочка пролетает — это дыхание
Бабочка села на цветок это замирание
Дыхание и замирание это путь всего:
Клетка — балкон — иней — сон

*

Спрятался в георгинах кувшин,
а кувшин тот, как вечер с зеленой бородой,
пьет молоко лиловыми устами.
А на улице стоит вечер в веточках...
После дождя по серебряным зеркальцам
Плывут коровы мохнатые,
Хоругви холода несут.

*

Разве я парус? Я же никого не спас.
Гитара на лестнице. И сигареты, как огоньки такси.
Куда мы едем все?

И я машу крыльями, потому что все машут крыльями,
и я лечу, потому что не знаю, куда все летят.

МАРИАННА КИЯНОВСКАЯ

Поэт, прозаик, переводчик, критик, литературовед. Родилась в1973 г. в Львовской области. В 1997 г. окончила филологический факультет Львовского государственного университета им. И. Франко (украинистика). Во время учебы принадлежала к женской литературной группе ММЮННА ТУГА. Автор поэтических сборников: «Инкарнация» (1997), «Венки сонетов» (1999), «Мифотворчество» (2000), «Любовь и война» (совместно с Марьяной Савкой, 2002), «Книга Адама» (2004), «Обычный язык» (2005), «Нечто обыденное» (2008), сборника рассказов «Тропа вдоль реки» (2008), а также многочисленных подборок стихов, опубликованных в периодике.

Тексты переведены на польский, сербский, словенский, русский, белорусский, литовский, английский, немецкий, грузинский, армянский, азербайджанский языки, на иврит. Переводы с польского, словенского, русского, белорусского, грузинского, азербайджанского, литовского языков, а также с иврита публиковались в антологиях и журналах.

Член Национального союза писателей Украины и Ассоциации украинских писателей.

* * *

Пустыня с голодными головами песка.

С голодными головами, что катятся за Моисеем

так долго,
что рождаются дети,
и дети детей,
и рыбы черствеют,
уложенные меж сухими хлебами.

Вдруг лес восстает
из высушенного хвороста
костей, упавших
под солнцем и небом.

Ибо та Божья пустыня

не отпускает
опускается

на некоторые из тех голов,
что закатываются за горизонт
по сухому,
по пересохшему.

Золотой песок
рассыпанный
по живому.

Пустыня с голодными головами
голодных и голых
обетованная.

* * *

мое стихотворение в моей пустыне Господи мой
только моя песчинка

такое смирение не приходит сразу

вначале нужно научиться
избегать неизбежного
избавляться от услышанного
того что есть

а иногда — того

и когда после всего сказанного
кто-то другой начинает верить
а ты только понимаешь
вдруг превращается в тончайший волос
сухая песчинка
моего стихотворения

* * *

тогда
ночью
коты слизывают
молоко с месяца

следы шершавых языков
на глине за тучей

врата в темноте
женщина

понимают не лают
трутся о ноги

и туча, и коты

время на прошлое
время их погладить
время в принципе
поэтому их никто не зовет

и женщине
тогда
ночью
уже не так холодно
как на самом деле

* * *

впервые это случилось
на окраине галицкого городка
кофе оказался
слишком сладким

ты спросил
в котором часу
она расцвела

та самая яблоня
я не знала

а потом иногда
снова и снова
спрашивал меня

в котором

и я клялась

не знаю

ничего
кроме того вечернего кофе

***

когда все отступает и начинается

прошлая осень
покрывается льдом
на поверхности воды

и откуда берутся
эти листья

всеми предсказанные

именно сегодня

с каплями птичьей крови

то с одной то с другой стороны

присохшие высохшие шуршащие

осень невинна
как каждая смерть

должна наступить

и все возникает другим

когда должно исчезнуть

дно

глубокая опасность снега
будто совершенно обычная
опасность
перестает быть обычной

запекается

каплями птичьей крови

и кто-то посыпает
сахаром и пеплом
сухие горьковатые пряники
листков

зачем равновесие
если ты дерево

ты
на поверхности воды
не после Нового Завета

* * *

немного любви на кончиках пальцев
на кончике языка немного любви
как вода просветленная луной
тело женщины глубокое голубое

владеешь ею больше чем должен
выдыхаешь воздух
с жизнью
        с легкими

почти теряешь веру
почти блуждаешь
в поисках самого последнего
срывая познаешь
выгрызаешь след

проходишь сквозь нее до дна
будто буква сквозь влажную бумагу

на кончиках пальцев
на кончике языка

сладкое красное соленое

нечто

* * *

искусство рожать
отдавать отрезая
перегрызая пуповину

девять месяцев мы вместе
а уже родилось и уже плачет

моя грудь увеличивается и болит

древних стихов
глубокое молозиво

молоко
писанного
по белому

прямо в небе
дорога чтобы ты возвращался

к нам

ОСТАП СЛИВИНСКИЙ

Поэт, переводчик, эссеист, критик. Родился в 1978 г. во Львове. Автор поэтических сборников ««Жертвоприношення великої риби» (1998), «Полуднева лінія» (2004), «М'яч у пітьмі» (2008), «Рухомий вогонь» (2009, в польском переводе Богдана Задуры). Стихи и эссеистика публиковались в различных периодических изданиях Украины, альманахах и антологиях.

Стихи и критические тексты переведены на 12 языков.

Переводит с польского, болгарского, македонского, английского, русского и белорусского языков. За перевод книги А. Стасюка «Дорогою на Бабадаг» (2007) получил Премию Посольства Польши в Украине за лучший перевод года.

На протяжении 2006–2007 гг. был координатором Международного литературного фестиваля в рамках Форума издателей во Львове.

В 2003 г. получил стипендию министра культуры Польши «Gaude Polonia», в 2007 г. — стипендию Литературного Коллоквиума Берлина, в 2008 г. был участником литературных программ «Homines Urbani» (Польша) и IHAG (Австрия), в 2009 г. — стипендиат программы «Коллегиум переводчиков» (Польша).

Лауреат премии «Привітання життя» им. Б.-И. Антонича (1997) и премии Губерта Бурды для молодых поэтов из Восточной Европы (2009).

С 2009 г. входит в украинскую редакцию польско-немецко-украинского литературного журнала «Радар».

Работает во Львовском университете, где преподает польский язык и литературу.

ХОЗЯИН

Божественный Йоханнесбург и все его привидения, пропитавшие
надушенное дерево!

На тебе песчаное платье, осыпающееся, когда ты встаешь попить
воды.
Что бы мы делали без анонимных щепоток на щеколде ночной
ванны, без
ничейного скрипа ступеней, чем набивали бы громкий ящик позади
нашего здесь? А ты еще спрашивала, что писать в графе
«бывшие имена»!

Хозяин потрошит синий свет на стене над нашей
кроватью, потом старательно записывает результаты, опускает
жалюзи, ложится в наших ногах.

«ВЫЙДИ МНЕ НАВСТРЕЧУ, ПОКА Я НЕ ЗАБЫЛ, ЗАЧЕМ ВЫХОДИЛ»

Между тучами светлячков в Пиране (как я их представляю) —
мы стоим,
тяжелые, будто два кожаных ботинка. И что? Не впустят нас
на помост, который строят тут на песке, чтобы и мы
испытали на своем горле луч? Если говорят, будто мы
едим деревянную кашу, то пусть так и будет:
выйдем и сбросим рубашки, ветер сам заиграет на наших ребрах,
ветер знает свое дело.

Слушай свою обувь, она пережила то, что для тебя было сном.
Пока ты плыл на свадебной барже, твои пятки боролись
со смоляной рекой.

АЛИНКА

В двенадцать лет мне снились короткие сны, в которых было грустно
и ничего не происходило.

Я просыпалась и читала под одеялом, на сцену перевернутой ладони
выходили намокшие всадники.

Рыбаки обменивались короткими командами, стоя
над озерами из меленьких слезинок.
А утром
можно было смотреть на себя в зеркало
и гадать по соляным тропам.

Я была примечанием к большой комете, которая еще прячется.
И если бы среди ночи кто-то вдруг постучал в крышу, я, вероятно,
встала бы
открыть.

Свет не различает адресатов. Свет — это я.

* *

Мы проехали город, полный подарочных огней.
И теперь, когда почти весь свет позади, я просто прошу тебя
Приручить мне какое-нибудь животное и научить меня с ним играть.

Я хотел бы быть его быстротечным телом.
Ехать и петь, вслепую, как пьяный велосипедист в ливень,
Когда он в бессвязной клятве бьет себя в сердце и слушает, как оно
гудит.

Хотел бы подниматься с ним на мокрую палубу и искать тебя глазами,
Смешной, как игрушечный вулкан, что брызжет малиновым соком.
Хотел бы вернуть все, немного изменить наклон парусов и мчать

Под старым призрачным названием, и выбрасывать на берег
радостные жемчужины.
Но возвращаюсь и засыпаю, уткнувшись носом в кучку теплых
Клеток: какой свет оседает на сонной шерсти, в какую красоту
вытекает

обычная земная жизнь!

0.00 — 1.00

В такие ночи все вырывается из тебя, как музыка из открытого окна.
Ты оборачиваешься и видишь: салон разогнанной на трассе машины,
где кто-то занимается любовью на
заднем сиденье, комета, полная своей пчелиной тайны.

Я с жителями вокзала, которых выгоняют на платформы ровно
в полночь,
когда начинается санитарный час,

и они под взглядами дорожной полиции пятьдесят девять минут
инсценируют отъезд,
на самом же деле ожидают момента, когда можно тихо вернуться.

И я — жду. Будто ликвидированное министерство путей сообщения,
темное сооружение среди
обычного городского движения,
в котором осело всего лишь несколько сердец.

* *

Как?
Так, будто в раскачанное сердце залетел камушек,
и оно останавливается.

Не знаю, как объяснить.
Еще вчера достаточно было цокнуть языком,
и все замирало, радостное и зажмуренное; вратарь
подпрыгивал, чтобы поймать ключи от своих ворот —
а я только звенел карманами, усмехаясь.

И шел, освещая собой ближайшую траву,
сам себе — цель и пуля, сам поводырь и слепой;
полный самых нужных слов —
одинаковых и разных, как пальцы одной руки.

Вот что: заблудиться можно только в рассеянном свете,
на равнине — как здесь, — где ничто никуда не впадает, где
дороги заканчиваются в нагроможденных листьях;

в туманном центре,
на самом дне уха, где глуше всего.

САШКА

«Знаешь, когда я впервые подумал о —
кто его знает — смерти или бессмертии?
Когда из старого сельского автобуса, на котором я ездил
в школу, однажды повыбрасывали сидения,
чтобы возить в нем сено.
Он был будто пугало на колесах. Ездил той же
дорогой — потому что другой не было — только перестал
останавливаться на остановках.
Много лет спустя дедушка, когда уже страдал
очень тяжелым склерозом, так же проходил мимо
нас, не узнавая, плотный и пустой, как камень.
И я представлял, что он уже ходит посреди своей смерти, и
неизвестно, будет ли другая.
Теперь я думаю: что, если мы
бессмертны? Просто незаметны, как все,
что находит свое совершенное предназначение?
И кто-то много раз нас кладет и распарывает,
будто шов, пока он не станет прочным и совсем
невидимым?»

YESUS CHRIST

И в назначенный день

Все мы выйдем отсюда, словно из кинотеатра,
В жаркий пустой двор, где нет ни души,
Только солнце и подрезанные коротко ветки деревьев.
Наберем в легкие
Жаркий пустой воздух.

А Он будет догорать там, на померкшей сцене,
Как факел на площади, где разбежались демонстранты,
Под дождем, на ветру придуманных Им морей.

Будет стоять и указывать никому на двери,
Которые навсегда открылись.

* *

Это было для нас рискованной игрушкой:
встать у самого края леса и крикнуть туда что-то обидное,
а дальше бежать, не оборачиваясь.

Потом бег отзывался даже во сне — простой танец света,
который приседал и выпрямлялся у нас перед глазами, сбрасывая
в движении несколько пожелтевших листков.
И нужно было заглушать собственные шаги, поэтому мы насыпали
полные карманы мелких ключиков и монет,
и громко звенели на бегу — недоросли
кентавры с головами в тени и пятками в ярком свете,
в брызгах воды, что была на нашей стороне, — мы бежали
и разбрызгивались,
как полные до краев стаканы на столе,
где танцует кто-то очень большой.

ОРУЖЕНОСЕЦ

А еще был сон об оруженосце темных богов:

я стоял перед столом сонного пограничника —
с головой в ночном воздухе, —
менее, чем просто один.

И если бы они захотели гнать меня километрами трассы,
мимо подозрительных кемпингов, не давая передохнуть,
если бы пытали меня фарами и ветром,

все равно не узнали бы больше:
потому что я не знаю, кто дал мне этот груз.

На низком коне, тихий и осторожный —
оруженосец, — я иду рядом с высочайшим светом.

ВУЛКАН

Я опаздывал, а когда наконец прибыл, не мог говорить,
оглох, как закупоренная пробоина, только суетился,
передавал мешки и ведра, полные воды,
видел, как в небе искрится пепел, заметил несколько десятков
пар крыльев
над казаном огненного супа,
и усмехался, как выпущенный на все четыре стороны,
и прислонялся
щекой ко дну, наконец окончательно одинокий.

Знаю, луна долго будет сражаться тут после нас.

Бездомному ночь — как смятая постель, что усеяна светлячками.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Ты выходишь, заперев тьму, будто стол.
Сколько одежды мы перемололи!
Сколько яхт заплывало в наши воды, сколько
там было фейерверков и тел! Как врезались
мы в сонную толпу, вооруженные аккордеоном!

Но тысяча тихих вторников стоит часа времени плача.
Один из соседей когда-нибудь остановит на тебе жаркую стрелку.
Детвора устроит свое убежище в открытой
стороне дождя, и не будет минуты без их стука и смеха.
Ты будешь радоваться вечерним приездам,
будешь тонуть в пушистом ковре, полном искр;
твой тихий магнит будет искрить, пока стучит в двери
мокрая рука. И все случится так, будто ты
долго молилась миловидным богам воскресенья.

Будь со мной, целая ночь без сна,
целая ночь сигнального огня.
Если я случайно пошатнусь, держи меня
за бледную ступню.

* *

В бассейне уже погасили свет,
Мы были последними.

Кто-то гремел металлическими шкафчиками, парень и девушка
С одинаковыми татуировками вытирались
Длинным полотенцем. Загустевала изумрудная
Вода, пока на дне завязывалась какая-та другая жизнь: осадок,
Светящийся планктон. Так рисуют души, когда они
Выходят из тела в холод. Так постель,
Шаткая и безымянная, будет виться для нас на последнем этаже.

Святой — тот, кто опаздывает,
Кто на выходе оглядывается, чтобы увидеть, как зал накрывает тень.

ONE-DAY TRIP

Я не знаю, что за огонь подступает сюда.
Чьи вещи уже спасают из задымленной кухни.

Где-то бегут лоси сквозь наполненный треском лес, но где?
Не слышу, как играют их ноздри, не хочу оплакивать муравьев
в их растоптанных городах.
Во дворах загорается развешенное белье, а я думаю о китайских
фонарях.

Простите: сегодня я пронесся по площади, залитой солнцем, и не
ошибся направлением. Я покинул вас ненадолго,
до конца трудного дня,
чтобы ночью вернуться и проговорить в ямку чьей-то ключицы: люблю.

Ночь греет, будто густые волосы.
Ночь.

(ОПУШКА)

Страх живет там, где
кто-то был и оставил после себя следы.

Было и нет.
Осы
сплетали нас из обрезков света —
такая басенка для детей. Легенда.
Потому что если был свет, он
не рассыпался бы на нечитаемые знаки.
Не поместился бы в коробке, выстланной газетами.

Все
расступается, чтобы дать дорогу никому:

сегодня — его королевство.

НОЧЬ

В окнах сторожки ходит свет, будто зрачки
просыпающегося. Я покажу.

Сторожка, а цепляется за берега, идет куда-то —
опять не одна, когда уже, казалось, не будет иначе.
А может, достаточно поспать в ее подвижной полутени?
Побыть через стену с тем, кто смотрел в
самый мерцающий лес? И вернулся?

*

Мы съехали в ночь, как на большой паром;
велосипеды, намокшие и шаткие, как жеребята, рожденные
в море, готовятся немного пожить своей жизнью.
Ты хочешь петь,
и твой голос — сильный и чистый, ты сдерживала его давно, —
выстреливает вверх, будто сигнальная ракета, чтобы
осветить собой совсем пустые поля.
И до меня вдруг доходит, что пение — этот человеческий
протяжный звук, что иначе был бы нестерпимым, —
существует, чтобы мы могли долго идти друг за другом,
идти след в след в ночной тьме.

ОЛЕГ КОЦАРЕВ

Родился в 1981 г. Украинский поэт, прозаик, критик. Лауреат премии им. В. Пидмогильного и конкурса издательства «Смолоскип». Автор книг стихов «Коротке і довге» (2003) и «Мій перший ніж» (2009). Книга прозы «Неймовірна історія правління Хлорофітума Першого» (2009).

Книга стихов в переводе на русский язык «Стечение обстоятельств под Яготиным» (М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2009. Перевод Дмитрия Кузьмина и Анастасии Афанасьевой).

МЯЧИ ГОЛОВ

Иногда
Я беру с собой
Одну из любимых книжек,
Например, антологию переводов
Пауля Целана –
Черновцы: Букрек, 2001.
Беру – и совсем не читаю,
Потому что времени нет,
И не показываю никому,
Потому что снобствую
Со вчерашнего дня.
Книга просто греет,
Потихоньку греет,
В кулонах лифтов,
В лодках окон,
И только раз в день неслышно
Напомнит, как я читал тебе
Ее немецкие страницы
И ничего не понимал,
И ты тоже ничего не понимала.
Тогда я хочу спать и представляю себе,
Как на широком дворе
Черновицкого университета
Стоят и разговаривают
Несколько черновицких переводчиков
Целана,

А на
Узоры улыбающейся черепицы
Садятся хлопья первого снега,
Садятся и на троллейбусы с женскими лицами,
И на мохнатые мячи голов
Утренних людей
Точно так же садятся.

СТАНЦИЯ «ХОЛОДНАЯ ГОРА»

я тебя никогда не коснусь
я тебя никогда
мы будем сидеть в вечернем метро
и подсчитывать каждые пять минут
насколько в вагонах меньше людей
а над нами бесноваться будут
в лампах галогенных добрые и злые духи
как люблю я твою длинную шапку
как жили мы все это время поговорим
и счастливый электрички рев заглушит
нам слова о том как хорошо уметь
различать серого 133 оттенка
как нам жить осень зиму весну
пятна пота на домах помогали
темно-темно-серые аж морские
я тебя никогда не коснусь
только ты
ноги
один раз
туфелькой

НА ХОЛМЕ

Деревянная церковь на холме.
Ни одного следа.
Голубые окна взлетали трапециями,
Голубые провода,
Голубое небо и голуби.
Темно-синие кусочки речки,
Призрак леса,

Призрак микрорайона за речкой.
И первые две пары следов
Среди утренних снежных глаз
Наконец поднялись на холм,
Одна в черном платке, другая в красном:
«Здоровенько, Аня! С лета ж мы не виделись!
А мой старший-то в Юридическую академию поступил.
Будет учиться на прокурора.
Я, говорит, мама,
Буду людей в тюрьму сажать».

ПОДЪЕМ-ПЕРЕВОРОТ

В тринадцать или сколько там лет
Я влюбился в девочку Инну.
Из ее высокого дома
Наши окна казались звериным логовом,
А из нашего дома маленького
Ее окна были
Продолжением мертвых заводов.

У меня на потолке люстра жила,
Огромная и стеклянная,
А Инна испугалась, что это паук
Распустил во все стороны лапы.
Я сказал ей: «Не бойся, это — неизвестный,
Но точно добрый звереныш.
Он лапы расставил и ждет,
Чтобы ему живот почесали».
Тогда все перевернулось
На сколько-то
Там
Градусов,
А Инна ступила на потолок
И гладила люстре пузо.

С тех пор много таких
Подъемов-переворотов сделала жизнь,
Да еще и по ходу лепила
Стройки, леденцы и сережки,

Родители Инны разошлись,
А сама она с сестрой
Продавала старую одежду
В очереди за молоком,
Я же на нее засмотрелся
И потокомммммолока из цистерны
Чуть не убил паучка,
Прятавшегося в моем бидоне.

И теперь всего через два этажа
От ее старой квартиры
Живет мой давний друг,
Как увижу его раз в два месяца,
Насмеюсь над расспросами его смешными,
Так и скажу ему, что, видишь, давно под шелковицей
Не пасется Иннина желтая овчарка Дик.

ЗА РОДИЛЬНЫМ ДОМОМ

где-то тут за михайловской площадью за родильным домом
между рельефом стены и забором на земле шебуршат желтые листья
так тепло они теплые они тихо шелестят подставляют солнцу спину
а потом слегка хрустят закрасневшимися боками
черная кошка подметает дерево
скоро холода а там и дальше рождаются всяческие дети
рождаются и рождаются об этом скажут она подарила ему сына
в глубине пионерского парка аттракционы: желтая круглая ракета
красные круглые качели и пустой пруд с гранитом и мостом
с ракетой нужно бы поосторожней
на граните делают дорожки двое знатоков черной торговли
в черных куртках черных туфлях и черных джинсах
на их лицах тепло и свет они жмурятся и разминают носы
а на качелях еле шевелится старик со своей палочкой
протыкает опавшие листья: некоторые из них взрываются
как пузырьки на полиэтиленовой обертке от компьютера
и все понятно вся эта символика — это вечное стремление
жизни к жизни эти времена года и этапы возраста и эта ракета
которая намекает
на постоянную угрозу что все может грохнуть что жизнь
как суровый петтинг в захваченном лайнере тут сомнений нет

но что означают эти хрусткие желтые листья почему там между
забором и стенкой
они так тепло чешутся о землю потягиваются и хрустят что это значит
и почему эти листочки кое-где — взрываются как пузырьки?
кажется дело не только в том что последние 20 лет в пионерском
парке не убирают...

МАЙСКАЯ МОДА

Однажды весной, возвращаясь домой, я не узнал родного района:
Так потемнело внизу, так поседели верхушки деревьев, и так
много свободного
Места появилось там, совсем-совсем высоко,
Я шел, спустив куртку с плеч, и, не знаю, может, даже зубы мои
Светились,
Я придерживался нашей моды, я хотел всем понравиться.

ШАРФИК

Все!
Зимой снега больше не будет
И мохнатые картинки становятся грустными
На горе под солнечным замком
Студентка в пальтишке сидит на траве
Прищурится и рисует акварелью
А козы грязные осматривают сапфирами
Всю желто-черную охраину
Так что на хорошем
Скоростном перегоне
Благородно настроенный
Молодой штурмовик
Может себе позволить
Не боясь простуды
Высунуть голову из вагонного окна
А его клетчатый черно-белый шарфик
Рвется на волю бьется как флаг
И следом за ним
До самого неба
Чистого без самолетов
В полный рост вытягиваются смирно
Железнодорожные запахи

ТОЧКА РАВНОВЕСИЯ РАССЧИТАНА

Морозный вечер на твоей щеке,
Зашла, закрыла входные двери,
Обогнула лужу в подъезде –
И на каждой щеке уже горит по свечке.
Работящая лампочка. Снег за стеклом.
Это все – единственное спасение,
Когда мир – опрокинутый муравейник, опрокинутый треугольник,
А князь его растянулся во всей красе,
Когда слезы душат, а пропаганда сушит...
Подумай об этом в такую августовскую ночь,
И успокоишься,
И тоже согласишься –
Только темное небо,
Только голубой снег и целлофановый лед
Спасут тебя,
Только морозный вечер на твоей щеке.

ТАРАС ФЕДИРКО

Тарас Федирко родился в 1990 г. в Тернополе. Поэт и переводчик с итальянского языка. Член редколлегии журнала «ПроStory». Студент-магистрант Болонского университета. До 2011 г. жил во Львове, в настоящее время – в г. Форли (Италия).

Стихи в переводах на русский язык публиковались в журнале «Воздух».

ЧИТАЯ ПАЛЬЦАМИ

Тем ощупью найденным
поворотом,
поэт выщербленный, пустотелый,
ты пришел на руках.
Вырезанный из времени, будто гроб.

Ты проступил через стены,
эти пусто-текущие,
из глубин существующего:
черноземом в ладонях,
слезами пальцев.

Щебнем слов
пронизываешь их, считывающих:
с меня, с меня
пишущим голосом
царапая по стеклу.

РАЗДЕЛЕННОСТЬ

По воздуху, тверже железа,
Пронесено прикосновение,
Отбытие сквозь
Названиями разделенное.

Неосторожного путем идя,
Неисполненного,
Он-во-мне вопросом растрескался:

Устою ли в Твоих глазах, Господи несуществующий,
Выдержу ли

ОДНО-ИЗ-НАС

Не узнать лица
заминдалелого. Несоучастник, ненаблюдатель.

Слушай:
то наточенное,
что вызвучивается во мне, то, написанное-и-невидимое,
произнося, вы-являю.

Пока есть память,
время от-бывших вместе с моим, твоим, сущая —
одно.

Мы — теперь — и Сизиф, и его камень.

МИНДАЛЬ

1. *Миндаль, о чужая*

К неистолкованному,
К указанному тишине посланию
Сквозь рассеченный тишиной глаз заката
Я подношу себя, —
В этих полных,
В этих легких-тебе руках
Вмещая растолченный на прикосновения
В краснораскроенном воздухе
Миндаль
Тебе, пустотелая чужая.

2. *Решетки рук*

Прозрачность, твердость
Камня между ладонями.

Перед разрывом прикосновения
Я пустой, я полный тебе ожидания
Кулак протянул —

И в руках, сложенных для молитвы,
В твоих прожженных,
Легкое тело, для убийства заточенное,
Раскрошилось протяжным криком,

Рассыпалось.

3. *Остриженная наголо*

Среди базальтовых столбов тьмы
Ты разламываешь меня, будто хлеб,
На слова, на предложения.

Из храма рук я погружаюсь
В течение по-кругу-реки,
Из страха возвращения замыкая линию.

Этот мой из ночи глубинный крик –
То в чернозем времени входит память,
Входишь ты, остриженная наголо.

* * *

Речь твоя – чуже-вынутая,
с языка на язык переложенная,
из рук в руки.

От слов, над словами призванный,
ты отводишь меня, самоубийца,
прочь:
в нераздельное, в не названное

место во мне.

* * *

Дыхание,
изверженную ветвисто-ломкую пустоту подняв,
я трахею держал сурмой:

нет, ни слова нет в альвеолах,
лишь разорванное
вер, и, шь!

* * *

Сгорбленный,
под порогом, прячешь нечто маленькое —
огромное, вырванное с корнем:
бурьян, «нет», — зайди, пусть тесен этот пустырь:

высокая птица, галка,
свою песню выкрикивает

— тут, надо лбом,
где ветвисто торчит дендрит,
собравшийся в птичий рай —

к камню,
что фаллически мне в воздухе зияет;

и
слеза над глазом в реснитчатом рту,
пей ты от нее: рванули мои натянутые губы
за твердым словом — к опустошенному,
и обмякшему.

Заходи, качаясь, себя ночь
накрошит на плечи, —
миндально замерцает
даль.

КАМЕНЬ ДЫХАНИЯ

Вы-мысли камень дыхания,
О, память ведомых до, сквозь и после нас!

Вот я, между стен,
Что написал на ладонях Его;
Ты ж — невысказанная, ты —
Рука, намерением отяжелелая.

Ломаешь меня:
Миндаль — в губы времени,
Стрелы — в глубины матери.

О, мы плод неразделенный,
Брат-и-сестра!

*

Среди жемчужин,
среди крикоударов:
я-и-он,
зеркалами разделенные,
линиями неприкосновения.

И все под ножами,
под лезвиями в реках звезд,
в переменчивом глазе,
за веками скрытом,
в бестелесном,
в тысячеслезном —

стоим.

*

Вслушайся
глазами, болекасанием пальцев:
то перекапывают дыхание
не для слов голоса.

И нет пустот для
ротопропастей, нет — слушать:

падение выломанного
из языка, из времени
тела, снование молитвонитей,
что зашивают яму изнутри.

Вслушайся,
то вылущиваются названия из башен зова,
то в отверстия неопределенности
просиливается вышедшее из слов —

Без-ъ-я,
Без-ъ-языкое.

*

Единственный светоч зияет,
бессловесно.

Облущенное памятью,
в его ноздреватом свете
провалом
мое вечно переменчивое ты.
Мое мы эродированное —
извержением.

Глаз нащупывает
камень, что отсюда седым шел —
куда?

С ним также
мы против незаживающей раны
речесвязью:

«Да, да,
И я бывал там, нигде;
Я говорил:
Четче, неизгладимейше,
тропической язвой — ладони!»

Только туф сияет
бессловесно.

*

«Провалом в провал —
только правду!»

Беспамятно.

Эти слова забыли
в ухе снега
обескорененных ветвистых друз гимн,
губ облущенную гонку
вытундренными пространствами.

А горловое,
о, а гортанное —
еще помнит, как летать
ключом,
как выбивать небо — клином:

никаким выцветшим, с той стороны.

*

Невидяще,
с глазами, закопанными в песок, —
так ты шагаешь сквозь лето;
до той стороны все добредет разложенным.

Узлы, что-то сшитое давно, до времени,
узлы-и-шов на верхнем веке, гонимом над
водой.

Также надо мной эта муть, иногда.

Согнанной с ветки птице светить на берегу:
вырой тут ямку и помести свою свечку
графитовую. Видишь?

Свет. Светло.

Содержание

молчать, петь, летать (*А. Горбунова*) 7

Комедия луча

Молчание 14
Полый шар 19
Полдень 21
Комедия луча 23
Дорога терракотовой пластины 28
Я трогаю кожу мира 34

Провал

Провал 36
Рука 37
Плод 38
Комната 39
«Здесь – где не здесь...» 42
«Осиротелое темя, глухой затылок, лицо штриховатое...» 44
Спички 46
Рюкзак 47

Прощение крота

Простые вещи 50
Стрекоза 55
«Как это можно вытерпеть? – Первому снится...» 56
Прощение крота 57

Белые слова

Щель 62
«Я солнце уронил, и падало оно...» 64
«Иди ко мне, мое во мне...» 65
Комета 67
«Я руки расставил и вдруг полетел...» 69

Слух

Слух 72
Еж. 75
Март 78
Холод 80
Дом 83
Желтый 84

Колодец

«Столько кругом отголосков...» 88
Колодец 89
«Прилетел жук, крылья сложил, и показал: вот...» 91
«Плотность невиданная вокруг...» 92
«Как оно стучалось...» 93
«Оказалось страшно...» 94
Тепло 95
«Есть расстояние от края до края неба...» 96
«Эта горстка – золото дней...» 99

Переводы

Виктор Кордун 102
Василий Голобородько 106
Микола Воробьев. 110
Марианна Кияновская 113
Остап Сливинский 120
Олег Коцарев 129
Тарас Федирко 135

Книги «Русского Гулливера»

Игорь Алексеев «Как умирают слоны»
Олег Асиновский «Плавание»
Георгий Балл «Круги и треугольники»
Анатолий Барзах «Причастие прошедшего зрения»
Александр Верников «Побег воли»
Валерий Вотрин «Жалитвослов»
Игорь Вишневецкий «На запад солнца»
Марианна Гейде «Бальзаминовы выжидают»
Александр Давыдов «Три шага к себе»
Галина Ермошина «Оклик небывшего времени»
Иван Жданов «Воздух и Ветер»
Зиновий Зиник «Письма с третьего берега»
Александр Иличевский «Бутылка Клейна»
Юлия Кокошко «Шествовать. Прихватить рог...»
«Комментарии» № 28 (памяти Парщикова)
Илья Кутик «Эпос»
Павел Лемберский «Уникальный случай»
Марнарита Меклина «Моя преступная связь с искусством»
Алексей Парщиков «Ангары»
Константин Поповский «Следствие по делу о смерти принца Г.»
Александр Скидан «Расторжение»
Андрей Тавров «Парусник Ахилл»
Александр Уланов «Между мы»
Эдвард Фостер «Кодекс Запада. Битники. Стихотворения»
Борис Херсонский «Вне ограды»
Валерий Шубинский «Золотой век»
Татьяна Щербина «Исповедь шпиона»

Владимир Алейников «Поднимись на крыльцо»
Анна Аркатова «Знаки препинания»
Сухбат Афлатуни «Пейзаж с отрезанным ухом»
Алексей Афонин «Очень страшное кино»
Андрей Бауман «Тысячелетник»
Сергей Бирюков «ПОЭЗИС»
Игорь Богданов «Федоров в кино»
Игорь Булатовский «Стихи на время»
Елизавета Васильева «Настала белая птица»
Игорь Вишневецкий «Первоснежье»
Герман Власов «Музыка по проводам»
Владимир Гандельсман «Ода одуванчику»
Алла Горбунова «Колодезное вино»
Дмитрий Григорьев «Другой фотограф»
Лидия Григорьева «Сновидение в саду»
Андрей Грицман «Голоса ветра»
Владимир Губайловский «Судьба человека»
Дмитрий Драгилёв «Все приметы любви»
Игорь Жуков «Готфрид Бульонский. Книга стихов»

Аркадий Застырец «Онейрокритикон»
Валерий Земских «Кажется не равно»
Валерий Земских «Неразборчиво»
Лина Иванова (Полина Андрукович) «В море одна волна»
Антонина Калинина «Бересклет«
Константин Кравцов «Аварийное освещение»
Сергей Круглов «Народные песни»
Илья Кучеров «Стихотворения»
Елена Лапшина «Всякое дыхание»
Константин Латыфич «Человек в интерьере»
Константин Латыфич «Равноденствие»
Анатолий Ливри «Посмертная публикация»
Ольга Мартынова «О Введенском, о Чвирике и Чвирке»
Зоя Межирова «Часы Замоскоречья»
Вадим Месяц «Безумный рыбак»
Арсен Мирзаев «Дерево времени»
Надежда Муравьева «Carmenes»
Вадим Муратханов «Ветвящееся лето»
Канат Омар «Каблограмма»
Юрий Орлицкий «Верлибры и иное»
Алексей Остудин «Эффект красных глаз»
Константин Рубахин «Самовывоз»
Ры Никонова «Слушайте ушами»
Александр Самарцев «Части речи»
Екатерина Симонова «Сад со льдом»
Дмитрий Силкан «Всенощные бдения Фауста»
Сергей Соколкин «Я жду вас потом»
Юрий Соловьев «Убежище»
Александр Стесин «Часы приёма»
Дмитрий Строцев «Бутылки света»
Сергей Строкань «Корнями вверх»
Андрей Тавров «Зима Ахашвероша»
Андрей Тавров «Часослов Ахашвероша»
Фотис Тебризи «Черное солнце эросов»
К.С. Фарай «Поющий Минотавр»
Людмила Херсонская «Все свои»
Людмила Ходынская «Маскарад близнецов»
Наталия Черных «Камена»
Наталия Черных. «Похвала бессоннице»
Феликс Чечик «Алтын»
Марк Шатуновский «Сверхмотивация»
Алексей Шепелёв «Сахар: сладкое стекло»
Аркадий Штыпель «Вот слова»

Ирина Роднянская «Мысли о поэзии в нулевые годы»
Андрей Тавров «Письма о поэзии»
Вадим Месяц «Поэзия действия»
Зинаида Миркина «Избранные эссе»

Анастасия Афанасьева

ПОЛЫЙ ШАР

Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оригинал-макет и верстка: Валерий Земских

Издательство «Русский Гулливер»
Тел. +7 (495) 159-00-59
E-mail: russian_gulliver@mail.ru
http://www.gulliverus.ru/

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575-41-03

Подписано в печать 16.06.2012
Формат 140×200
Гарнитура NewBaskervilleC
Тираж 300 экз.
Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12